

18+
Я притворяюсь мертвым

РАССКАЗАРИЙ

Бекленд Дзот

Бекленд Дзот

**Я притворяюсь
мертвым. Рассказарий**

«Издательские решения»

Дзот Б.

Я притворяюсь мертвым. Рассказарий / Б. Дзот — «Издательские решения»,

Бекленд Дзот — непревзойденный мастер коротких рассказов, созданных в самых нескучных жанрах — космической и хронофантастике, постапокалиптике, киберпанке, фэнтези и ужасах. Увлекательный сюжет, хлесткий черный юмор и фирменные, переворачивающие все с ног на голову концовки не оставят равнодушным даже самого искушенного читателя. В книге «Я притворяюсь мертвым» традиционно для проекта «Рассказарий» собрано пятьдесят отборных рассказов автора.

© Дзот Б.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Доза	6
Часть первая	7
Твари	7
Вторжение	10
Те еще птицы	14
Путевка в жизнь	27
Замороженные сны	38
Из благих побуждений	41
Большое нечеловеческое СПАСИБО	43
Поединок	52
Ревность	60
Мой клон	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Я притворяюсь мертвым Рассказарий

Бекленд Дзот

© Бекленд Дзот, 2026

ISBN 978-5-0070-2649-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Доза

Она ждала. Он вернулся поздно — часы били двенадцать. Вернулся, когда уж кончилось терпенье. Когда нервы были на пределе. Когда трубка телефона была поднята дрожащей рукой. Он молча пробежал на кухню, проскользнул в темноте. Ни слова приветствия, ни слова извинений.

Бесполезная слеза по щеке. Она смахнула соленую каплю привычным движением. И не нужно было заглядывать в его безумные ошалелые глаза, чтобы понять. Все и так было ясно. Он обещал. Он клялся больше этого не делать. Но зависимость оказалась сильнее. Он сорвался.

На ватных ногах она прошла на кухню, где слышался его лихорадочный шепот — поток каких-то непонятных слов. К забытой тарелке с давно остывшим супом никто не притронулся. Стоя спиной к жене, он смотрел в темное окно. Скомканная рубашка была брошена на табурет. Увидев его обнаженные, покрытые свежими синими отметинами руки, она сдавленно всхлипла. Он опять это с собой сделал. Конечно, надежда на то, что он сможет одолеть ломку, была ничтожна. И все ж она ему верила. Верила до этого момента.

— Я не могу так больше. Прости. Но семья для тебя ничего не значит. Ты же лечился! Ходил к этому прекрасному специалисту! Ты же кодировался! Опомнись, ведь ты же почти завязал! Ты держался две недели. Ты почти победил болезнь!

Он не ответил, просто обернулся, виновато опустил усталые глаза. Таких разговоров было много, и их количество ничего не решало. Теперь она это окончательно поняла. Болезненная привычка была для него важнее семьи. Он не хотел меняться.

— Все... — слова с многоточием повисли в воздухе. Она ушла, оставив дверь открытой.

Он не бросился ей в след. Понимал, что все теперь бесполезно. Он действительно сдался. Не смог преодолеть ломку. Но, вместе с тем, впервые за эти четырнадцать дней он почувствовал удовлетворение. Сегодня он сделал то, ради чего, в общем-то, и жил. Две недели, после последнего сеанса психотерапии он боролся сам с собой, отказывая себе в этой потребности. Но сегодня все встало на свои места. Он прошел в опустевший зал и принялся расправлять постель. В опустившейся тьме, придавив головой подушку, он долго лежал без сна. Слабая улыбка, не сходящая с его лица и синяя паста, испачкавшая руки, говорили о том, что свою дозу трудоголик сегодня получил.

[эпизод из рассказа «Психиатрия бессильна»]

Часть первая

Большое нечеловеческое СПАСИБО

Твари

— Вставайте, твари! Хватит спать!

Ничто так не возвращает к действительности, как хороший пинок тяжелым сапогом под ребра. Мужчина скатился с кровати, прижимая руками ушибленный бок, заметался по комнате, ослепленный лучами фонарей, специально бьющих в глаза, оглушенный механическим ревом, доносящимся сверху.

— Живее, твари! Поторапливайтесь! Времени мало!

Рядом раздался пронзительный крик жены. Такая же сонная, она растянулась на полу, запутавшись в простынях. Ее бесцеремонно подняли на ноги и вместе с мужем вытолкали в коридор. В квартире хозяйничали темные силуэты с фонариками в руках. Еще не придя в себя, не понимая до конца, что все это уже не сон, супруги осознали — в их дом вломились не люди. Слишком странно двигались, разговаривали и дышали эти темные силуэты.

— Кто вы? Что вам нужно? — взмолилась женщина.

— Заткнись, тварь! — рявкнули из темноты.

— Жить хотите, твари? Поторапливайтесь! Бегом на чердак! — заорали за спиной злобные голоса и начали подгонять супругов болезненными тычками в спину.

Через минуту муж и жена стояли на крыше, костенея от злобного механического ветра, оглохнув от грохота инопланетных двигателей. Под ногами в мертвенной неподвижности чернели городские кварталы. Ни одного лучика света, ни одного горящего окна. Над головою грузной тушей нависла неподъемная масса космического корабля, воющего на тысячу испуганных голосов.

— Живее твари, забирайтесь на трап! Кому сказал! — заорал один из темных силуэтов и замахнулся фонариком.

Мужчина неожиданно зарычал и со всей злостью оттолкнул обидчика:

— Да пошли вы! Никуда мы с вами не полетим!

— Это еще почему, тварь? — опешил темный силуэт и принялся копаться в бумагах. — Вы есть в списках. Вот, смотри сам, Антон и Елена Голенищевы — твари из тридцать пятой квартиры.

— Да мы из тридцать пятой квартиры! Но мы вам не твари! Мы люди! И никуда не полетим! — поддержала мужа женщина.

— Да ладно, черт с ними! Возможно, произошла ошибка, — раздался чей-то голос сверху, прорвавшийся сквозь свист и рев благодаря мощным динамикам. — Может, они и не твари. Времени нет! Пускай остаются. Убираемся отсюда!

Темные силуэты с неестественным проворством запрыгнули в закрывающейся зев шлюза. Трясущиеся от пережитого ужаса люди бросились друг другу в объятия. Не скрывая слез облегчения, они наблюдали, как металлическая туша космического левиафана, чьи исполинские размеры можно было угадать лишь сейчас, в блеске далеких молний, развернулась и понеслась, все ускоряя свое движение куда-то в черноту застывшего космоса. Вместе с ней удалялась и какофония механических звуков, сквозь которые пробивалось, ей богу, мычание, блеяние, гавканье, пищание и кудахтанье миллиона испуганных существ.

И в этот момент хлынул ДОЖДЬ.

[рассказ из цикла «Пути Господни неисповедимы?»]

Вторжение

Зимняя ночь белыми клочьями носилась за окнами. Сияние монитора, дрожащее зелено, отгоняло темноту лишь в одном углу просторной комнаты. В ней заперся Д. Смит на пару со своим одиночеством. На самом деле комнат в особняке было очень много, все они были с выключенным светом и надежными дверными замками. Естественно, все замки сейчас были заперты. Щеколды и дверные проемы были под контролем неусыпной сигнализации. Контрольные датчики опутывали стены, облепили стекла огромного дома. Заснеженную лужайку перед домом огораживал четырехметровый забор. Электричество весело гуляло по колючей проволоке на гребне стены, с шипением щелкало, сжигая падающий снег. Сама дверь из сплошного двухдюймового стального листа была снабжена пятью сейфовыми запорами. Повсюду с тихим жужжанием ворочали окулярами камеры наблюдения. Весь особняк был под контролем. Никто не смог бы проникнуть внутрь незамеченным.

Под подушкой Д. Смит всегда хранил револьвер. Часто среди ночи, когда грезились, что сработала сигнализация, он вскакивал, потной дрожащей рукой хватался за его холодную шершавую рукоятку. Надежное смертоносное железо успокаивало получше маминой колыбельной, которой Д. Смит давно уже не слышал.

Мать всегда учила: там снаружи, за дверями, нет ничего хорошего. Лишь распутство и обман. Да-да, твердила она, распутство и обман, и еще уголовники. Страшные мерзкие типы, не обремененные моралью и уважением к закону. Такие всегда носят в кармане нож, сами знаете для чего. Лучше сиди дома, говорила мать, нечего шляться по улицам. Там тебя ничему хорошему не научат. Ты же не хочешь стать таким, как они. Нет, конечно, нет, отвечал маленький Д. Смит, ни в коем случае. Молодец, улыбалась мать, просто умница, возьми с полки пирожок.

Наш дом — наша крепость, твердила она. Эти стены уберегут нас от проходимцев. Нас и наше добро. Только нужно уважать свой дом, и он никогда не предаст тебя. Нечего играть в комнатах и громко орать. Лучше книгу почитай. Ты опять водил в дом своих «друзей»? Не смей этого делать, слышишь, никогда! Они только и смотрят, где бы чего умыкнуть. В каждом из них сидит маленький вор, который скоро вырастет в большого вору. Смити, ты закрыл за собой дверь? Точно? На все пять замков? Закрывай шторы, Смити, и гаси свет. Уголовники ходят вокруг дома. Они заглядывают в чужие окна. Не приведи Господь, если я узнаю, что ты таскал сюда одну из этих шлюх! Им нужны от тебя только деньги. Надеюсь, я никогда не узнаю, что ты спутался с одной из них. Если она и не обкрадет тебя сразу, то обчистит до нитки при разводе. И дом, наш дом! Она продаст его, а нас пустит по миру...

Нет, мам, ты зря так думаешь, я буду хорошим сыном, твердил Д. Смит. И он был хорошим сыном. Никого и никогда он не впускал в дом, да и сам почти не покидал своей надежной крепости. Дела по управлению солидным наследством можно было вести удаленно по интернету. Некоторые советовали ему обратиться к психиатру, некоторые, которые любят совать свой длинный нос в чужие дела и чужие дома. И вообще, какого черта? То, что человек хочет чувствовать себя в безопасности, это что уже мания? Да пошли вы со своим психоанализом!

Это была обычная ночь. Ничего особенного. Ветер гонял за окнами безмозглый снег. С монотонным упорством зубной дрели дребезжали стекла в рамах. Ночь как ночь. Какая разница? Чем она отличается от вереницы других пустых и одиноких ночей? И то верно. Лучше пойти лечь спать. Д. Смит отвернулся от мониторов, встал, прошагал, лениво потягиваясь, до кровати.

Неожиданно в глухой тишине пустого особняка раздался чей-то приглушенный дверями хохот. Кто-то смеялся там в темноте. Радостно так. Страшно.

Д. Смит, холодея от ужаса, поймал себя на мысли, что он непрочь оказаться подальше от этого места, от этого дома. Дома, который предательски впустил в свои двери чужака.

Постойте, подумал Д. Смит, боясь пошевелиться, все стены и окна заперты и снабжены сигнализацией. Никто, даже самый матерый уголовник, не смог бы проникнуть в дом. Его непременно засекали бы датчики движения, густо рассованные по всему особняку.

Хохот раздался вновь. Это был грубый мужской смех с хрипотцой, рисующий в воображении образ горбатого уголовника, заработавшего туберкулез на каторге. Кто-то смеялся в глубине испуганного дома, и это происходило на самом деле.

Дверь! Дверь в комнату! Вспыхнула в голове ужасающая мысль. Заперта или нет? Что за вздор, он всегда запирает за собой все двери. Точно? И на этот раз? А если он забыл и не защелкнул замок? Где гарантия? Д. Смит бросился к двери. Какое бесконечно большое расстояние отделяло его от нее! Ему грезилось, что он не успеет. Сейчас, да, вот сейчас дверь приоткроется и в комнату, превратившуюся в ловушку, вползет, как змея, грязная волосатая рука, вся синяя от наколов. Тогда наступит конец всему. Оборвется жизнь Д. Смита, такая беспрсветная, такая пустая, но все-таки жизнь. Подло скрипели половицы под ногами, предательски оповещая всех уголовников, собравшихся в доме, что именно здесь, в этой комнате спрятался его испуганный хозяин.

Д. Смит добежал до двери за какое-то мгновение, показавшееся ему часами. Замок, конечно, был заперт. Иначе и быть не могло. Д. Смит всегда запирает за собой двери, как учила мать. Но, остановит ли замок того, кто бродил по особняку и смеялся, того, кто проник

в дом, минуя все совершенные системы охраны. Кстати, почему молчат датчики движения? Хотя, если подумать, если, треснув себя по щеке, собраться, то внезапно можно вспомнить, что в одной единственной комнате детекторов движения нет. Д. Смит не устанавливал датчики в гостиной, которая находилась в самом центре дома. Не было в том необходимости. Чтобы попасть в гостиную, нужно было пересечь другие помещения, в которых датчики движения, разумеется, были.

Д. Смит повернулся к мониторам. Все же проверить гостиную стоило. Весь особняк находился под обзором камер наблюдения. Одной из них и собирался воспользоваться Д. Смит. Отложив тяжелый револьвер на стол — оказывается, он все это время судорожно сжимал оружие в руке — хозяин подвергнувшегося вторжению дома сел за монитор и переключился на гостиную.

Да, так оно и оказалось. Посреди гостиной разгуливал грабитель. В темноте было плохо видно, но самое главное разобрать удалось — забравшийся в дом уголовник оказался растолстевшим коренастым бугаем. В руках он держал большую суму с награбленным. Даже сквозь потемки на этой давно небритой роже было видно широкую улыбку. Грабитель ухмылялся, словно издевался на Д. Смита, насмеялся над этим домом со всеми его сверхнадежными системами защиты! Осмеивал все, что было дорого хозяину особняка и его матери!

В этот момент Д. Смита впервые в жизни переклинило. Видимо, он находился в состоянии аффекта, поскольку впоследствии с трудом вспоминал, что и зачем сделал. Д. Смит не помнил, как схватил со стола револьвер, как выбежал из комнаты, выбив дверь с петель, как, ворвавшись в гостиную, принялся палить в темноту. Стрелял, пока не опустел барабан.

Очнулся он от воя сирены, от мелькания сине-красных всполохов на попорченных пулями стенах. По гостиной гулял ветер из разбитого окна. Свежий воздух обжигал горло, словно глоток ледяной воды из колодца. Посмотрев на свою руку, Д. Смит с удивлением отметил, что до сих пор автоматически дергает вхолостую за спусковой крючок револьвера. В гостиной не было никого постороннего, да и в остальном доме тоже. Грабитель умудрился разбить стекло и выскочить в окно.

Д. Смит долгое время не решался подойти к этому оцетинившемуся острыми осколками проему, боялся заглянуть в эту холодную дыру. Боялся, потому что ясно помнил, что выстрелил и попал в человека. В голове до сих пор звенел крик грабителя, это звуковое выражение обиды и боли. На некоторых стеклянных осколках блестели большие градины ярко-бардовой крови. Уголовник не мог уйти далеко, дом был окружен высоким забором. Впрочем, преступник каким-то образом преодолел его, пробираясь в особняк. Да, у Д. Смита оставалось еще много вопросов к ночному гостю, поэтому хозяин дома сделал несколько трудных шагов и выглянул в окно. Двор также был пуст. Ночной налетчик словно растворился, растаял в воздухе.

Минут через десять, вооружившись фонариком и перезарядив револьвер, Д. Смит вышел на лужайку перед домом и внимательно изучил все отпечатавшиеся на снегу следы. То, что он увидел, поначалу привело домовладельца в замешательство и легкий шок, но затем все расставило по своим местам. Теперь стало ясно, как ночной пришелец пробрался в гостиную, минуя все двери и окна, каким образом исчез со двора, и вообще какого черта он притащился этой холодной ночью в чужой дом. Все это очень смутило и удивило Д. Смита, но для себя он сумел определить главное — в охране особняка, который казался неприступной крепостью, обнаружилась брешь, укромная лазейка, через которую любой проходимец мог теперь попасть в дом. Решив завтра вплотную заняться этим вопросом, хозяин неприступного особняка отправился спать и крепко запер за собой все двери.

Во дворе еще долго шел снег, к утру окончательно скрыв от чужих глаз ледяную дорожку замерзшей крови, которая заканчивалась там же, где обрывались следы широких полозьев и

оленьей упряжки. А на следующий день стараниями Д. Смита в печной трубе появилась надежная сигнализация, а на камине — ошипованная стальная решетка.

[рассказ вне циклов)

Те еще птицы

*«Выбери меня, выбери меня,
Птица счастья завтрашнего дня!»*

В этом месяце тариф на пользование лифтами опять подняли, поэтому приходилось экономить, и Шнейдер ходил на работу пешком. Контора, в которой наш герой прозябал на должности конструктора-расчетчика, находилась на шестьсот десятом этаже, а свою пыльную, слегка великоватую для одного квартиру он снимал на семьсот первом. Вот и приходилось Шнейдеру заниматься вынужденной утренней пробежкой.

— Ну, ничего, для здоровья полезно! — бодро приговаривал он, легко перескакивая через ступеньки между семисотым и шестьсот девяносто девятым этажом.

— Ну, ничего. Полпути уже пройдено, — подбадривал себя Шнейдер, спускаясь на шестьсот пятидесятый.

— Ну... Ничего... Почти... Пришел... — выдыхал он, еле волоча ноги на шестьсот одиннадцатом этаже.

Вот так, изо дня в день, мелькали под ногами бесконечные ступени, привычно скользила по поручням рука, проносились мимо сотни спешащих куда-то людей, громыли за стенами лестничной шахты скоростные лифты.

Вся жизнь в Европейской Башне либо неспешно ползла вверх, либо, сорвавшись, кубарем катилась вниз. Непрерывное функционирование всех процессов в космоскребе обеспечивали четыреста скоростных лифтов, грузоподъемностью по сто человек каждый. Кроме того, Башню от земли до стратосферы пронизывали шахты сверхбыстрых полицейских и пожарных подъемников. Не в силах насытиться, лифты глотали людей внизу и выплевывали где-то на верхних этажах. По всему периметру циклопическое здание, словно паутина американских горок, опутывали линии воздушной железной дороги. Правда, электропоездами население космоскреба старалось без особой нужды не пользоваться, поскольку некоторые участки путей выходили за пределы Щита. Подобное обстоятельство могло повлечь неприятные последствия для пассажиров во время очередного обстрела.

Понятное дело, высотный комплекс подобных нескромных размеров потреблял огромное количество энергии. Она постоянно требовалась на обеспечение грузоперевозок, поддержание Щита, подъем воды из глубинных скважин, на ответные пуски ракет, бесперебойное функционирование производственной сферы и покрытие бытовых нужд.

Поскольку, по понятным причинам, люди редко спускались из башни на поверхность Земли, да и то не выходили за пределы карантинной зоны, о добыче угля, нефти, либо другого топлива и речи быть не могло. Зато население космоскреба на полную катушку эксплуатировало возобновляемые источники энергии. Вся поверхность Европейской Башни, что находилась выше уровня непроницаемого смога, была облицована зеркалами солнечных батарей. Стены космоскреба были облеплены ветряками, которые торчали повсюду, где это позволяло размещение трасс электропоездов. Вокруг циклопического здания роились дирижабли и воздушные шары, также увешанные солнечными батареями. От каждого из них к Башне вел усиленный стальными тросами токопроводящий кабель. Вовсю использовалась геотермальная энергия. Вот так, загрязнив и отравив все вокруг, человечество все же перешло на экологически чистые технологии. Перешло, потому что других ресурсов просто не осталось.

Наука и техника к тому времени достигли впечатляющих успехов. Космические корабли теперь стартовали прямо с крыши Башни, это сильно удешевило старты и дало новый толчок к исследованию вселенной. Совсем недавно новые двигатели позволили осуществить первый

полет в соседнюю галактику. Была даже обнаружена одна планета с органической жизнью. Но никаких разумных цивилизаций пока найти не удалось.

В этом гигантском, набитом людьми и машинерией термитнике, что нагло вгрызлся в космос и, словно вавилонская башня, возвышался над миром, поплеывая на оставшиеся облака, жил и работал Шнейдер — обычное существо своего времени. Жизнь его как бы удалась. Определенно, так считали все вокруг. Должность конструктора-расчетчика была не самой денежной в Башне, но кусок синтетического хлеба с псевдомаслом приносила. Зато у Шнейдера была квартира, слишком просторная для одного, расположенная выше уровня непроцепаемого смога. Еще у него были кое-какие перспективы для карьерного роста. Молодой, работающий, непьющий, говорили о нем. Завидный жених, шептались женщины в конторе. Но жениться и заводить детей Шнейдер не торопился. Карьера была для него важнее. Он хотел что-то такое сделать, чего-то добиться в жизни, пока еще молод, полон сил и энергии. Потенциал для быстрого карьерного роста был налицо, вот только не хватало одного — удачи. Простого везения. Можно без усталости пахать всю жизнь, парень, но если удача тебе не улыбнется, пиши пропало. А удачу не купишь за деньги, ее только можно поймать за хвост, словно эфемерную синюю птицу, поймать, если, опять же, повезет.

В один из тихих вечеров две тысячи триста четвертого года, Шнейдер проводил время перед сном, развалившись на диване, и смотрел глупые передачи по телевидению. Тогда он впервые и увидел ту рекламу. По какой программе ее показали, уже не важно. Впоследствии этот ролик стали круглыми сутками крутить по всем каналам. На расклеенных по стенам телевизионных обоях Шнейдер увидел отснятый с высоты птичьего полета мир другой планеты. Сквозь призму густого, влажного воздуха можно было рассмотреть, как внизу, от горизонта до горизонта, равнодушно играет волнами чужой океан цвета холодной стали. Кое-где его величественную ленивую гладь пятнали редкие россыпи небольших скалистых островов. В это время мужской голос за кадром, кажется, тот же самый, что рекламировал зубную нить и носки из натуральной синтетики, сообщил доверительным тоном:

— Господа, перед вами удивительная, недавно открытая планета Эттела. Ее бескрайние просторы еще не до конца исследованы, однако уже сейчас наша фирма готова предложить вам эксклюзивный товар из этого таинственного дикого мира. Итак, внимание, компания «Выпучн-Космополитикз» предлагает вам купить синюю птицу. Да-да, самую настоящую синюю птицу удачи. Напрасно человечество тысячелетиями искало ее на Земле. Синяя птица, а по научному, птица Цверк, была обнаружена только сейчас и совсем в другой галактике.

Картинка на обоях изменилась. Теперь Шнейдер увидел перед собой диковинную птицу, действительно покрытую ярко-синим пышным оперением. Цверк представляла собой нечто среднее между совой и пингвином. Огромные желтые глаза, не моргая, и без всякого выражения смотрели в камеру. Между тем, специалист по носкам и зубной нити продолжал свою речь:

— Научные опыты доказали, едва в доме человека появляется синяя птица, вместе с ней к нему приходит и удача. Да-да, удача. То есть у владельца птицы Цверк становится больше денег, друзей, любовниц и всего того, что составляет быт современного счастливого человека.

— Бред какой! — фыркнул Шнейдер и зашарил по дивану в поисках пульта, чтобы переключить на другую программу.

Тем временем голос за кадром продолжал:

— После того, как одно за другим по Земле прокатились такие заболевания, как собачья лихорадка, кошачье бешенство, птичий насморк, крокодилий кашель, крысиная депрессия и неизлечимая тараканья диарея, люди остались одни в своих квартирах. Но теперь можно победить одиночество. За какие-то девять тысяч девятьсот девяносто девять фиксированных еди-

ниц компания «Выпучн-Космополитикз» подарит вам забавного жизнерадостного питомца, который со временем может стать полноценным членом вашей семьи.

Пока Шнейдер, вскочив с дивана, ползал по ковру в поисках оброненного пульта, на телевизионных обоях показали сначала какого-то напوماженного типа с прилизанными волосами, затем седую пенсионерку, потом парочку домохозяек и молодую семейную пару. Все они на разные лады расхваливали только что купленных птиц, клялись, что после этой покупки вся их жизнь резко изменилась в лучшую сторону.

— Это действительно синяя птица удачи, счастья и успеха! — успели сказать они хором, когда Клаус Шнейдер переключил теле-обои на другой канал. Тогда он не придал увиденному особого значения.

Утром следующего дня конструктор-расчетчик спускался по бесконечной лестнице, направляясь на работу. Полпути уже было пройдено, и появилась первая одышка, когда раздался ужасный грохот, погас свет, и лестничная шахта затряслась, словно дерево, попавшее в бурю. Спускавшиеся и поднимающиеся люди попадали на ступеньки, закрыв головы руками, как учили на занятиях по гражданской обороне.

Но грохот затих, и освящение восстановилось. Жители космоскреба медленно поднялись на ноги, оглядываясь и ругаясь себе под нос.

— Щит опять не остановил ракету! — возмутился кто-то.

— Да, и прошу заметить, это уже второй случай за месяц. За что только налоги платим! — поддержали его.

Забравшись в контору, Шнейдер бросил портфель возле стола. Даже не включая свой рабочий компьютер, он сразу направился в кабинет Ихтина.

— Рабочий день! — поприветствовал Клаус своего коллегу.

— День рабочий! — ответил Ихтин, парень большого роста и веса с замасленными жидкими волосами.

— Ракета попала в Башню, — поделился Шнейдер.

— Да, я слышал... Только что сообщили по радио.

— Откуда на этот раз? Снова с Арабской Башни?

— Да нет, теперь уже с Греческой... — Ихтин говорил неприятным голосом, как будто через нос, заглатывая окончания слов. Он словно занюхивал слова.

— У нас же с ними было перемирие?

— Было, да видно сплыло. Скорее всего, греки создали новый тип ракет, способный обойти нашу защиту.

— Ну, ничего, наша Супра-26, которую мы так мучительно рожали последний год, ответит им так, что мало не покажется.

— Когда старт?

— Ты что не слышал? Сегодня в четыре, босс даже разрешил нам понаблюдать за пуском.

— Отличный повод прогулять работу, — ухмыльнулся Ихтин. — Скажи, ты что-нибудь слышал о синих птицах с Эттелы?

— Видел вчера тупой рекламный ролик. А что?

— Ты же знаешь, Клаус, я — это кладезь информации. Я всегда знаю кое-что, чего не знают другие.

— Ну, продолжай, что ты хотел сказать?

— Рекламирывать синих птиц они начали только вчера. Но на самом деле, они уже давно продают Цверков.

— Нам-то с тобой какое до этого дело?

— Помнишь Штивта и Мюллера из четвертого отдела?

— Конечно, они менеджеры по эффективности производства.

— Так вот, эти парни месяц назад купили себе синих птиц. И никому не сказали.

— Ну и что? Я считаю, что покупка птицы Цверк из другой галактики — это самый глупый, бездарный и идиотский способ спустить десять тысяч фиксированных единиц.

— Ой ли, не скажи. У меня есть знакомый хакер с девяностого этажа — просто компьютерный гений. По моей просьбе он поднял информацию о их доходах. И знаешь что? И двух недель не прошло с момента покупки этой парочкой синих птиц, а их денежные доходы поднялись в два раза!

— Им что повысили зарплату?

— Этого я точно не знаю, врать тебе не стану. Но одно бесспорно, после приобретения птиц Цверк, парни стали зарабатывать больше, им улыбнулась удача.

— Ты хочешь, чтобы я поверил в этот бред?

— Но факты говорят сами за себя, — Ихтин закусил губу и протянул Шнейдеру распечатанную финансовую справку, только что сворованную с сервера налоговой службы. — Я просто советую тебе, как друг, тоже купить синюю птицу. Пока она еще стоит десять тысяч, а не двадцать. Пойми, скоро все в Башне сообразят, что к чему. Да и птиц на всех просто не хватит.

— Глупо все это. Но я подумаю...

В четыре часа того же дня они, всем конструкторским бюро, стояли, прислонившись к толстому стеклу обзорного окна пускового комплекса. Даже если бы не было старта ракеты, посмотреть на окружающий мир через окна (бесплатно посмотреть через окна!) никто бы не отказался. Все простое население Европейской башни не видело солнца месяцами. Квартиры, в которых жили рядовые обитатели космоскреба, находились в центре здания и не имели окон. Поэтому люди практически всю жизнь проводили под искусственным освещением. Да, конечно, были в Европейской Башне и пентхаузы с собственными настоящими окнами. Но стоили они таких денег, что за всю жизнь не заработать. Если, конечно, не улыбнется удача, и с неба на голову не свалится мешок, набитый золотом.

— Смотри, вот они, Штивт и Мюллер, — зашептал на ухо Шнейдеру Ихтин. — Обрати внимание, как они держатся вместе, как бы поодаль от остальных. Словно вступили в какой-то особенный клуб, в который допускают только владельцев птиц.

Конструктор-расчетчик посмотрел краем глаза на двух низкорослых менеджеров с усталыми лицами. Они словно не разделяли охватившего все бюро трепетного, волнующего предстартового ожидания. Даже не смотрели в окна. Изредка только нашептывали что-то друг другу на ухо.

— Постой! Ты куда! — спохватился Ихтин, но Шнейдер уже набрался наглости и подошел к притихшей парочке.

— Ребята, о чем это вы тут шепчетесь, хотелось бы знать? Вы что, организовали какой-то клуб на двоих? Быть может и меня примете?

— Не знаем, о чем это ты! — надменно ответили Штивт и Мюллер и отвернулись.

В этот момент, ослепив всех собравшихся огнем ускоряющегося двигателя, с массивного выдвижного лафета стартовала Супра-26. Она унесла с собой в сторону Греческой Башни полтонны урана и несколько новых технических секретов, позволяющих обойти системы защиты противника. Конструкторское бюро встретило это событие восторженными криками и аплодисментами. Шесть месяцев работы прошли не зря. Но теперь нужно было приступить к созданию новой ракеты, еще более мощной и гораздо более умной.

Вечером после работы, поднимаясь в лифте на свой этаж, (девяносто один этаж наверх пешком бы он не осилил), Шнейдер всерьез задумался о покупке синей птицы. Вся эта история была похожа на глупую сказку. Но... Чем черт не шутит? А вдруг? Увеличение заработка в два раза позволило бы Клаусу взять кредит и купить квартиру с окнами. Я уже не говорю о

всех возможных плюсах, которые появились бы в его жизни вместе с внезапно нагрянувшим счастьем и удачей.

И он, обычно такой рациональный и серьезный человек, решился на эту глупую затею.

— Итак, вы имеете желание приобрести синюю птицу с планеты Эттела, — заключил плюгавенький менеджер по продажам в офисе «Выпучн-Космополитикз». Он заслонился от Шнейдера грудой парящих в воздухе прозрачных мониторов и непрерывно набивал какие-то важные таблицы.

— Хотелось бы, если, конечно, птицы у вас еще остались.

— О да! Цверков разбирают очень быстро. Просто с руками отрывают. Но специально для вас у нас остался прекрасный молодой самец синей птицы.

— Вот повезло-то.

— Нет, повезет вам после покупки. Как-никак приобретаете синюю птицу счастья. Для оформления сделки вам придется ознакомиться с контрактом и поставить внизу свою подпись.

— С каким еще контрактом?

— Поймите, это не наша придумка. Правительство и Гильдия защиты инопланетной фауны давят на нас сверху. Цверки — вымирающий вид. Уже определенно ясно, что планета Эттела — не их дом. Вероятно, они были домашними птицами какой-то высокоразвитой техногенной цивилизации. Мы полагаем, на Эттеле когда-то потерпел аварию инопланетный корабль, хозяева синих птиц погибли при крушении, а Цверки сумели выжить. «Выпучн-Космополитикз» планирует в будущем полностью перевести этот вид фауны на Землю. Синие птицы вымирают, поэтому мы обязаны обеспечить им нормальное существование в Башне. Отсюда государственный контроль и прочие бюрократические проволочки. Но вас они вряд ли остановят, если вы тверды в своем решении.

— Конечно, да, — ответил Шнейдер. — Где подписать?

— Вот здесь. Какая у вас размашистая подпись! А теперь внимание, наша компания совершенно бесплатно дарит вам пятьдесят килограмм отборного корма. Сушеные хохлоперки! Цверки просто обожают их.

— Сушеные кто? — не понял Шнейдер.

— Это неважно, — улыбнулся менеджер. — Можете забирать птицу и мешок с кормом.

Шнейдеру еще только предстояло узнать, кто такие сушеные хохлоперки и как это на самом деле важно.

Через тридцать минут в своей квартире Клаус с интересом рассматривал купленную синюю птицу и безуспешно пытался ее разговорить.

— Цып-цып-цып! — подлизывался Шнейдер, подсовывая на ладони под клюв Цверку несколько сушеных хохлоперок.

Усаженная на налокотник кресла, синяя птица распушила оперение, молчала и была абсолютно неподвижна.

— Ну же, спой, птенчик, не стыдись!

Представляющий собой нечто среднее между совой и пингвином, Цверк продолжал надменно молчать. Застыл, как истукан. Даже его большие желтые глаза замерли, почти не моргали. Уставились в какую-то точку на стене.

— Ешь, птичка! Ты же проголодалась, — не унимался Шнейдер, изображая заботливого птицевода.

Цверк даже головы не повернул.

— Живой ли ты вообще... — конструктор-расчетчик потыкал пальцем синее оперение пальцем. Под перьями ощущалось тепло и чувствовалось размеренное биение маленького сердца.

Озадаченно почесав затылок, Клаус Шнейдер взял трубку телефона и набрал номер «горячей линии владельцев синих птиц».

— Девушка, я у вас сегодня Цверка купил.

— Ах, какое счастье к вам привалило! Поздравляю вас!

— Моя синяя птица странно себя ведет. Боюсь, не больна ли она...

— Какой ужас! Не расстраивайте меня! До сих пор все реализованные нами Цверки отличались отменным здоровьем и прекрасно приспособивались к земным условиям. Опишите мне симптомы, что птица делает сейчас?

— Да в том-то все и дело. Ничего она не делает. Не летает, не бегают, не кудахчет и не чирикает. Сидит неподвижно, словно чучело.

— Можете успокоиться. Это и есть нормальное поведение синих птиц.

— Разве... Но она, между прочим, не хочет есть ваш хваленый корм.

— Хочет. Несомненно, она хочет есть. Все Цверки обладают завидным аппетитом, и вы в этом скоро убедитесь. Просто ваша синяя птица стесняется принимать пищу в вашем присутствии. Таковы особенности ее птичьей психологии. Просто откройте мешок с кормом и оставьте птицу одну. И не волнуйтесь вы так. С подобными проблемами сталкиваются на первых порах все владельцы Цверков.

— Спасибо, девушка.

— Звоните еще, если будут проблемы. Счастья вам и удачи!

Шнейдер распаковал пакет с кормом и ушел в другую комнату, чтобы бедная птичка не стеснялась утолять свой голод. Выждав для приличия десять минут в соседнем помещении, Клаус вернулся.

— Однако же! — обрадовано удивился конструктор-расчетчик. Пятидесятикилограммовый мешок с кормом опустел на треть. — Просто зверский аппетит. Похоже, эти торгаши морили тебя голодом. Ну, ничего, теперь ты в хороших руках.

Синяя птица неподвижно сидела на подлокотнике кресла в том же положении, в котором он ее и оставил. Уставилась своими глупыми глазами в какую-то точку на стене и усиленно делала вид, что не имеет никакого отношения к изрядно опустевшему мешку.

На следующий день давали зарплату.

— Ну что есть изменения? — спросил Ихтин, подсовывая под нос Шнейдеру расчетку.

— Мне начислили двадцать тысяч, — нахмурился Клаус.

— Что, зарплату не подняли?

— Между прочим, нет, дорогой мой советник по покупке синих птиц.

— Ты слишком требователен и нетерпелив. Прошел всего один день. Ты думаешь, счастье свалится так быстро?

— Прости. Конечно, надо еще подождать.

— Что делает птица?

— А знаешь, это идеальный домашний питомец. Выгуливать не надо, сидит себе спокойно и молчит в тряпочку. Не шалит, не царапает мебель, не жует обои. Просто сидит и молчит.

— Похоже, тебя можно поздравить с удачной покупкой.

Вернувшись после работы домой, Шнейдер обнаружил Цверка так же неподвижно сидящим на кресле, он и на миллиметр не сдвинулся. А вот пакет с кормом... Пакет с кормом был пуст.

— Ну, ты и жрать, птичка... — протянул Клаус и потянулся за телефонной трубкой.

— «Горячая линия владельцев синих птиц». Слушаю вас.

— Вы были правы, у Цверка просто зверский аппетит. Он съел весь ваш бесплатный корм, — пожаловался Шнейдер. — Вы не могли бы мне еще выслать этих самых просушенных хохломордок.

— Сушенных хохлоперок, — поправила девушка на линии. — Разумеется, вы в любой момент можете заказать у нас корм. Вам его доставят в кратчайшие сроки. Сообщите нам номер вашей кредитной карточки и сколько мешков вы хотите приобрести.

— Сколько... мешков? — опешил Шнейдер.

— Конечно. Чем больше партия, тем выгоднее для вас. Оптом, как говориться, дешевле. Месячная норма на взрослого Цверка обойдется вам в сорок тысяч фиксированных единиц.

— Спасибо, я подумаю! — конструктор-расчетчик со звоном повесил трубку и подошел к синей птице, которая продолжала делать вид, что ее нет в комнате.

— Слушай сюда, пернатая обжора! С этого момента начинаем новую жизнь. Ты пока еще не отработала потраченных на тебя денег, и я тем более не собираюсь покупать тебе по такой бешеной цене сушенных хохломордок. С этого дня переходим на обычную человеческую пищу. Ничего, освоишься, на мой взгляд, с твоим-то аппетитом, ты легко можешь питаться камнями, стеклом или пластиком.

Шнейдер набрал в холодильнике синтетических продуктов подешевле и вывалил их перед Цверком. Синяя птица и головой не повела.

— Ах, да, — опомнился Клаус и выбежал из комнаты. Возвратившись через десять минут, он увидел, что птица по-прежнему неподвижна, а продукты — нетронуты.

— Понятно, показываем характер, — заключил с улыбкой Шнейдер, — Но я тебя выдрессирую. Обещаю.

Так прошел еще день.

— Ничего, ничего, еще дней пять поголодаешь, а через неделю умной станешь, — не унывал человек.

Синяя птица, как всегда, не обращала на него внимания. Но сразу бросалось в глаза то, что Цверк изрядно похудел. А на кресле появились синие перья, выпавшие у объявившей голодовку птицы.

Вечером следующего дня Шнейдер нашел синюю птицу на полу. Цверк валялся, разбросав крылья. Глаза птицы были закрыты.

— Пожалуйста, только не подыхай. Ты еще не окупила потраченных денег! — засуетился Шнейдер и бросился к телефону. Но еще раньше в дверь его квартиры позвонили.

На пороге топтались два взволнованных типа в опрятных офисных костюмах. Один из них держал в руках мешок знакомого корма.

— Добрый вечер. Господин Шнейдер, мы из службы попечительства компании «Выпучно-космополитикз».

— Я никого еще не вызывал.

— Это и не нужно. Ваша синяя птица при смерти.

— Как вы узнали? — прищурился конструктор-расчетчик.

— Все проданные нами Цверки окольцованы. В кольцо вмонтирована система мониторинга организма птицы. Если Цверку по какой-то причине не здоровится, мы это сразу видим на экране компьютера и немедленно выезжаем спасать бедняжку.

— Вот как... — Шнейдер был порядком удивлен.

— Купленная вами синяя птица крайне истощена. Возможен летальный исход. Вы совсем заморили ее голодом.

— А вот и неправда, — стал защищаться Шнейдер, перегородив двоим молодчикам проход в квартиру. — Она сама ничего не жрет, посмотрите, кругом лежат продукты.

— Цверк не станет питаться ничем кроме специализированного корма.

— Да, но цена у него просто грабительская.

— Цена минимальная для товара, который приходится возить через весь космос из соседней галактики. Ведь хохлоперки обитают только на Эттеле.

— Ребята, я просто не зарабатываю столько! — отчаянно развел руками Шнейдер.

— Раньше надо было думать. До покупки.

— Ах, вот вы как! Тогда я возвращаю вам птицу. Надеюсь, я получу все свои деньги обратно без лишних проблем.

— Вы будто совсем не читали контракт, господин Шнейдер. Там ясно сказано, что синие птицы возврату не подлежат. Почитайте. Пункт девять. Подпункт девять-два.

— Как же это так? Вы не шутите?

— Нам не до шуток, господин Шнейдер. Вашему Цверку нужно немедленно поесть.

— Хорошо, проходите, кормите.

— Сначала заплатите. Мешок корма обойдется вам в тысячу фиксированных единиц.

Пока один из незваных гостей затаскивал в квартиру корм, второй достал из кармана портативный кассовый аппарат. Опешивший от неприятных новостей Шнейдер расплатился

на нем отпечатком пальца. С шипением из кассового аппарата вылез чек, на котором фиксировался тот факт, что только что конструктор-расчетчик расстался с тысячью кровных единиц.

— Подавитесь, — скрипнул зубами Шнейдер.

— Да, кстати, — обернулись, уходя, парни. — Счастье-то еще не привалило?

И они засмеялись.

Шнейдер с грохотом захлопнул дверь. Начал судорожно копаться в бумагах. Наконец, беспечно заброшенный в дальний угол контракт нашелся. Конструктор-расчетчик начал внимательно читать документ. Строчка за строчкой. При этом его лицо становилось все мрачнее и мрачнее. Как всегда, все самое важное было подло напечатано мелким шрифтом внизу последней страницы.

Согласно контракту Шнейдер был обязан любой ценой обеспечить синей птице все условия для комфортной жизни. Иными словами, он сам мог умереть с голоду, но синяя птица должна была быть сытой и здоровой. Контракт обязывал окружить Цверка уютом, теплотой и вниманием. Любая прихоть птицы, если, конечно, она сумеет ее выразить, должна была исполняться незамедлительно. Возможности вернуть, обменять, продать или подарить птицу исключались. Исполнение контракта контролировалось властями и Гильдией защиты инопланетной фауны. Все объяснялось редкостью и ценностью данного животного вида.

Пока Цверк в соседней комнате медленно возвращался к жизни, набивая брюхо сухими хохлоперками, Шнейдер сделал несколько звонков знакомым адвокатом, чтоб посоветоваться. Результат был неутешительным, похоже, его провели, заманили в подлую ловушку. Конструктор-расчетчик сам, по глупости, нацепил на шею кабалу. Он осознавал, теперь все заработанные деньги пойдут на пропитание прожорливой птицы, не говоря уже о тратах за коммунальные услуги и лифты. Потом все выльется в налоговой службе, расходы Шнейдера превысят его доходы, он станет скатываться в яму бесконечных долгов и кредитов. Как результат, его ждет долговая тюрьма на одном из подземных этажей.

— Надо срочно что-то придумать. Как-то обойти все эти правила, — шептал себе под нос Шнейдер, снова и снова перечитывая контракт. — Так, птицу нельзя вернуть, обменять, продать и подарить... А потерять?

— Эй, птенчик, не хочешь прогуляться по лестничной шахте? — зло улыбнулся конструктор-расчетчик.

Во время прогулки он случайно забыл синюю птицу возле автоматической библиотеки на восьмьсот пятнадцатом этаже. Спеша домой на скоростном лифте, Шнейдер аж подпрыгивал от восторга. Ах, какой молодец! Так легко провел свору космических мошенников!

Впрочем, долго наслаждаться победой ему не позволили. Через три часа в дверь позвонили, и знакомые молодчики из службы попечительства компании «Выпучн-Космополитикз» с добродушными улыбками вручили ему в руки синюю пернатую тварь.

— Не теряйте больше, — сказали они. — В кольцо птицы вмонтирован специальный датчик. Если синяя птица еще раз пропадет, мы непременно ее найдем.

— Спасибо за заботу, — огрызнулся Шнейдер и захлопнул дверь. Усадив Цверка рядом с новым мешком корма, незадачливый птицевод обхватил голову руками и крепко задумался, как жить дальше.

— Однако же! — спохватился Шнейдер. — У меня есть отличный выход! Нет птицы — нет проблемы.

Морально подготовившись к задуманному, конструктор-расчетчик решительно направился на кухню, взял самый острый нож.

— Небольшой несчастный случай не повредит, — сказал сам себе Шнейдер, приближаясь к синей птице. Цверк, наверное, впервые отреагировал на действия человека, боязливо вжал голову в туловище и посмотрел на хозяина глазами, полными ужаса.

Зазвонил телефон.

— погоди, я сейчас вернусь, — пообещал Клаус птице и взял трубку.

— Даже не думайте об этом! — грозно закричали на другом конце провода. — Насильственная смерть Цверка по новому законодательству приравнивается к умышленному убийству человека.

— Как вы узнали? То есть, я ничего такого и не собирался делать, — промямлил в ответ Шнейдер, зачем-то пряча нож за спину.

— Кольцо работает, господин Шнейдер, а мы все видим. В случае смертельной опасности синие птицы реагируют на нападение определенным образом. Учащается сердцебиение, отмечается дрожь крыльев, расширение зрачков и много других факторов, по которым мы незамедлительно узнаем о покушении на Цверка. Вы ведете себя очень плохо, господин Шнейдер. Возьмите себя в руки. Если уж решили купить синюю птицу и заботиться о ней, то выполняйте свой жизненный долг! Несите свой крест до конца!

Трубку бросили.

— Вот влип! — простонал Шнейдер.

Телефон зазвонил снова. Не испытывая никакого особого желания общаться, конструктор-расчетчик ответил:

— Алло!

В ответ раздались гудки.

— Достали! — прорычал Шнейдер. — Ладно, надо выспаться, а завтра подумаем, как нам жить дальше.

Квартиру, которая все равно была слишком просторной для одного, пришлось продать и переехать на четыреста шестидесятый этаж. Там Шнейдер поселился в более дешевом жилье, скромном, как монашеская келья, с совмещенным санузелом и тесной кухней. Кое-какие предметы явной роскоши из прежней жизни, такие как телевизионные обои, также пришлось сбить в местном комиссионном магазине. В конце концов, передачи можно было смотреть и по обычному телевизору. Деньги были нужны сильнее. Этих драгоценных фиксированных единиц теперь постоянно и катастрофически не хватало. Прошел уже месяц со дня покупки синей птицы. Целый месяц несчастный конструктор-расчетчик только тем и занимался, что обеспечивал Цверка завтраком, обедом и ужином. Сам человек изрядно похудел. На еде, на лифтах, на всем-проем приходилось экономить. Никакой прибавки к жалованию он так и не дождался. Теперь Шнейдер понимал, что стал жертвой целой организации мошенников. Своего коллегу, Ихтина, который посоветовал сделать столь замечательную покупку, наш герой поначалу хотел просто убить. Но потом придумал месть поизощреннее. Каждый день Шнейдер изображал на своем лице безмерное счастье. День за днем он настойчиво нашептывал Ихтину, навязчиво советовал приобрести синюю птицу.

— Даже не представляешь, как она тебя осчастливит, — роняя изо рта капли яда, убеждал коллегу Шнейдер.

Ихтин, похоже, сдавался и потихоньку начинал копить на собственного Цверка.

Деньги подходили к концу. Зарплаты, которую конструктор-расчетчик получал в конторе, теперь ни на что не хватало. Шнейдеру пришлось искать дополнительную работу в вечерние часы и выходные дни. Таковая нашлась. За пределами Башни, в карантинной зоне. Работенка была тяжелая, грязная и вредная для здоровья. Мало кто в Башне согласился бы на такую. Но платили за нее хорошо, а это было для Шнейдера самым главным.

Пока они спускались к поверхности, прораб в общих чертах обрисовал Шнейдеру суть работы. Вместе с другими бедолагами, которые почему-то не особо дорожили своим здоровьем, он должен был разыскивать вокруг космоскреба обломки вражеских ракет. Элементы обшивки, куски двигателя, обгоревшие микросхемы — все это требовалось военным для изучения.

— Все, я дальше не пойду! Внизу найдешь остальных и сразу принимайся за работу! — крикнул прораб на тридцатом этаже, и конструктору-расчетчику пришлось спускаться дальше в одиночку.

На Шнейдере был натянут скафандр из стеклорезины. На голове болтался нелепый шлем с пристегнутым фонарем. Защитный костюм изнутри был щедро пропитан тальком, который теперь навязчиво лез в глаза, нос и рот. От дыхания он поднимался прозрачными белыми клубами и садился на стекло шлема, ухудшая видимость.

— Проклятая птица! — простонал Шнейдер.

Ниже двадцатого этажа уже не было освещения. Под ногами мелькали остатки ступеней, практически истертых в пыль за два с половиной века существования Башни. В огромном вестибюле на первом этаже Шнейдер не увидел ни одного целого стекла в окнах. Здесь периодически бушевали сильнейшие мусорные бури. Прораб рассказывал, бывали случаи, когда работавших в карантинной зоне людей насмерть убивало пластиковой бутылкой или пачкой из-под сигарет — такой силы здесь случался ветер.

На этот раз бури на улице не было, Шнейдеру крупно повезло — не иначе синяя птица счастья постаралась. Было темно, как ночью. Непроницаемый смог не пропускал сюда лучи солнца. По периметру Башни были развешаны прожектора, которые закрывались на время бури защитными стальными заслонками. Сейчас некоторые из них даже работали, безуспешно пытаясь прошить замусоренную тьму своими лучами.

Возле входа болталось двое ссутуленных под тяжестью шлемов человек.

— Радиоактивный фон сегодня всего лишь в пятнадцать раз выше нормы, — говорил один другому.

— Это пока, — ответил второй. — А если буря поднимется?

Эти два голоса, даже заглушенные скафандрами, показались Шнейдеру подозрительно знакомыми. Он подошел поближе и окликнул эту парочку. Облаченные в защитные костюмы люди обернулись и с удивлением замерли.

— Мюллер? Штивт? — поразился конструктор-расчетчик.

— Смотри-ка, да это же Шнейдер из нашей конторы! — посветил фонариком в лицо новоприбывшему Мюллер.

— Ты как здесь оказался, бедняга? — с искренним участием поинтересовался Штивт.
— Наверное, тоже птичку купил?

Шнейдер молча кивнул.

— Ну что ж, тогда добро пожаловать в наш клуб!

— Хватит болтать. Надо работать, пока буря не поднялась! — осадил товарища Мюллер и внезапно согнулся, разразившись истошным кашлем. Когда он выпрямился, на стекле его шлема Шнейдер заметил маленькие капельки крови.

— Чертова радиация! — прокомментировал Штивт. — Ладно, пошли работать.

Он направился к выходу. Шнейдер с Мюллером безропотно за ним потянулись.

За работу в карантинной зоне неплохо платили.

— Твои доходы поднялись в два раза! — заявил как-то Ихтин, дружески хлопнув Шнейдера по плечу. — Скажи спасибо синей птице и мне — своему лучшему другу.

— Да уж, спасибо. Скорей бы и тебе такое счастье привалило.

— Я бы с радостью купил синюю птицу, да только денег маловато, — пожаловался Ихтин.
— Кредит в банке не дают. Боюсь, я эту покупку не осилю.

Глаза Шнейдера загорелись. Он оживился:

— А знаешь, друг мой Ихтин, я тебе займу. В ущерб всему — займу. Если и у меня денег не хватит, ребята помогут. Правда, ребята?

Подошедшие Штивт и Мюллер согласно закивали.

— Спасибо, мужики. Вы настоящие друзья, — чуть не расплакался Ихтин.

Так, в тяжких трудах и мелких подлых шалостях прошел месяц. Изрядно обрадовав всех птицевладельцев, компания «Выпучн-Космополитикз» имела наглость поднять цены на корм. Теперь Шнейдеру приходилось еще больше работать в карантинной зоне.

— На! Подавись! — буркнул он, бросив под когтистые лапы Цверка очередной мешок с сушеными хохлоперками. Синяя птица, оставаясь верной своим привычкам, никак на это не отреагировала. Продолжала молча сидеть на подлокотнике кресла, словно чучело.

— Хоть бы чирикнула вместо «спасибо», — покачал головой Шнейдер. Он засобирился на работу, на ту, «вечернюю работу». Вытащил из кармана брюк счетчик Гейгера и включил. Прибор затрещал, устанавливая тот факт, что сегодня конструктор-расчетчик стал немножко радиоактивней, чем вчера.

— Интересно, можно ли загнать на рынке эти мешки из-под корма, — задумчиво пробормотал Шнейдер себе под нос, вышел из квартиры, защелкнул замок.

В сложившейся ситуации его грела только одна мысль — сегодня Ихтин радостно сообщил коллегам, что купил-таки синюю птицу.

Распушивший оперение Цверк оставался неподвижен до тех пор, пока в коридоре не стихли усталые шаги хозяина. После этого, он с неожиданной живостью забрался в кресло, деловито закинул ногу на ногу, то есть, лапу на лапу. Из плотного оперения синей птицы на божий свет вылезла маленькая аккуратная рука с четырьмя развитыми пальцами. Цверк со знанием дела взял пульт дистанционного управления, включил телевизор, принялся переключать каналы, не забывая угощаться из раскрытого пакета сушеными хохлоперками.

Зазвонил телефон. Цверк, не оборачивая головы, привычным движением поднял трубку и ответил на каком-то своем особенном языке:

— Грынк!

— Грынк! — ответил такой же птичий голос на другом конце провода.

— Как дела?

— Да вот сiju, телевизор смотрю. Замечательное шоу по восьмидесятому каналу. Моя скотина только что ушла, а твоя?

— Тоже уперлась на работу. Это быдло меня напрягает, приходит поздно весь в грязи в мою чистую квартиру, свет включает. От скотины постоянно воняет мусором.

— Да, это мне знакомо. К сожалению, приходится терпеть. Подумай, как бы мы жили, если бы не владели этими безмозглыми домашними животными?

[из цикла «Не прекрасное далеко»]

Путевка в жизнь

Это был грязный, убогий мирок, но все равно получше, чем Земля. Серое тяжелое от дождя небо постоянно коптели огромные ржавые трубы. В здешнем затхлом воздухе не летали, не чирикали птицы. Если они и были где-то, то селились подальше от этих мест. По земле здесь стелился желтушный, влажный от маслянистых испарений туман, а воздух, которым дышали и отравляли свои легкие жители Работной Зоны, был пропитан густым смогом. В широком бетонном канале, пересекающем жилые кварталы, в котором, вероятно, когда-то бежала река, теперь лениво ползла канализация. Посреди этого отвратного, сопровождаемого едкими испарениями потока, словно обглоданные скелеты, замерли останки сгоревших пароходов.

Каждые десять минут, согласно расписанию, по старой, изъеденной временем железной дороге проносились грузовые составы. Прессуя подгнившие шпалы, паровозы упорно тащили куда-то вереницы почерневших от копоти вагонов. Перевозили они либо груды искореженного металлолома, либо дымящийся уголь с ближайшего разреза.

День здесь начинался в четыре утра с пронзительного рева заводского гудка. Едва этот мощный звенящий гул прокатывался над Работной Зоной, тормоза стекла в оконных рамах, как одновременно открывались двери домов и на улицу выходили все до единого взрослые

жители, то есть все, достигшие тринадцати лет. Закутанные в невзрачные плащи, они шли на работу с безразличными лицами. Двигались люди с одинаковой скоростью по строго оговоренным маршрутам. Никто из них не торопился, и, конечно, не опаздывал. Само собой, никто по дороге с друг другом не разговаривал. В рабочее время разговоры были запрещены. Длинные вереницы понурых, соблюдающих между собой дистанцию фигур размеренно двигались мимо замерших, словно фонарные столбы, полицейских. Служители закона, одетые во все черное, с гордостью носящие высокие каски и тяжелые дубинки, пристально оглядывали проходящий мимо людской поток в поисках нарушителей порядка. Сотни полицейских стояли вдоль всего маршрута и молча смотрели, вглядывались, выискивали.

После того, как за сторбленными спинами людей запирались на засовы двери рабочих домов, полицейские одновременно поворачивались и, чеканя шаг, направлялись в сторону жилых кварталов. Наступало время обязательного ежедневного обыска. К каждому дому (то есть, к каждой отдельной семье) был приписан конкретный полицейский. Блюстители порядка заходили в дома (запирать свои двери на замок в Работной Зоне запрещалось) и проверяли все согласно установленной программе. Во время этой процедуры дети, оставшиеся в помещениях, должны были лечь на пол лицом вниз, скрестить руки за спиной и молчать. Согласно утвержденной инструкции, младенцам во время обыска не разрешалось плакать. Полицейские со знанием дела открывали сундучки и шкафчики. Придирчиво проверяли, соответствует ли имущество хозяев утвержденному списку, не появилось ли в доме лишних вещей. Еще полицейские следили за тем, чтобы в помещениях была правильно расставлена мебель, постели заправлены по требуемой форме, а на столе обязательно присутствовала папка с утвержденными списками, планами и инструкциями. Если во время обыска на стенах комнат обнаруживались рисунки, они немедленно срывались, а из детских копилочек вытряхивалась случайная мелочь. Потому что иметь копилки детям разрешалось, а копить — нет. Напоследок полицейские внимательно окидывали все прищуренным взглядом и занимали свои посты рядом с домами.

После проведенного обыска детям можно было встать с пола и сесть на стул. Им разрешалось неподвижно сидеть на стуле, молчать, листать обязательную папку с утвержденными документами, заучивать инструкции по проведению работ и изучать маршрут следования к рабочим местам.

Разумеется, дети в силу своего малолетства могли играть. Игра не только не запрещалась, а наоборот была необходимым элементом воспитательного процесса. Возле каждого дома в обязательном порядке имелась большая песочница. У каждого ребенка от трех до тринадцати лет в обязательном порядке имелась игрушечная лопата, которая была на пять процентов меньше и на целых восемь процентов легче настоящей взрослой лопаты.

Детские игры здесь начинались в пять утра, когда все до единого малолетние лежебоки одновременно выходили из домов и забирались в песочницы. Сонный вид и случайное позевывание им пока прощалось — дети, все-таки. Придуманная взрослыми игра была очень проста и увлекательна: до обеда ребенок должен был выкопать глубокую яму, а после обеда ее закопать, ну и естественно, прибраться потом, подмести вокруг песочницы и идеально выровнять песок в ней. Все это время за спинами машущих игрушечными лопатами детей молча стояли полицейские. Блюстители порядка внимательно смотрели, чтобы ребята играли по правилам и не отлынивали от игры. Нарушившим правила позволяли резвиться в песочнице до глубокой ночи. В праздники, а также в дни рождения детям разрешалось играть в полтора раза дольше и в два раза глубже.

Когда ребенку исполнялось десять лет, в жилые кварталы заезжали нестерпимо скрипящие запчастями экскаватор и самосвал. Провожая глазами эти машины, полицейские с пониманием кивали — ясное дело, в десять лет ребенок был уже почти взрослым и не мог играть в

те же игры, что и в девять лет. Техника подъезжала к дому именинника. Экскаватор выкабливал из песочницы весь песок, а самосвал заполнял ее тяжелым щебнем. Теперь ребенку можно было с неменьшим интересом играть в старую игру по новым правилам.

Рабочий день здесь заканчивался со звуком заводского гудка в одиннадцать часов вечера. Одновременно открывались двери всех работных домов, и понурые вереницы выполнивших свою норму тружеников устало плелись к своим домам. Стоящие вдоль всего пути полицейские с неослабевающим вниманием оглядывали этот молчаливый караван. В руках каждый работник бережно тащил пайку для себя и своей семьи. Еще жителям Работной Зоны иногда платили. Тем, кто особо отличился в перевыполнении трудовых норм и ни разу не попадался, как нарушитель порядка, щедро выдавали горстку медяков.

Люди возвращались в свои дома. Наступало время вечернего употребления пищи. Обедать сразу всей семьей запрещалось. Люди ели по очереди. Пока один член семьи питался, остальные молча сидели по своим углам и ждали. Поужинав, человек должен был убрать за собой, приготовить место приема пищи для следующего по очереди. Все эти правила неукоснительно соблюдались. А полицейские все это время стояли вплотную к домам и наблюдали через окна. Следили, чтобы в домах не происходило ничего лишнего. Задергивать шторы на окнах было нельзя, а в один прекрасный момент шторы и вовсе запретили, изъяли и вычеркнули из утвержденного списка разрешенного имущества. Пока полицейский стоял за окнами, запрещалось гасить в комнатах свет. Подобные действия расценивались, как умышленное воспрепятствование государственному контролю. Запрещено было закрывать форточки и разговаривать тихими голосами — полицейский, стоящий за окнами должен был быть в курсе всех бесед, что ведутся в доме.

Теплые семейные чувства между родственниками были в этом мире, конечно, разрешены. Но в разумных пределах. Если вместо обсуждения планов и показателей работы муж с женой начинали обниматься, целоваться и сюсюкаться, полицейский решительно входил в дом, расталкивал забывшихся супругов по разным углам и строго говорил им:

— Вы же взрослые люди! Как вам не стыдно! Смените тему беседы!

Возвратившись на свой пост за окнами, блюститель порядка делал запись в своей черной книжке. Подобные выходы двух граждан трудоспособного возраста говорили о следующем: у этих людей остались силы на пустые развлечения, значит, либо они не до конца выполнили сегодняшнюю норму работ, либо пора ставить вопрос об ее увеличении для конкретной супружеской пары.

И лишь в двенадцать часов ночи, когда служители закона уходили в свои полицейские бараки, люди могли погасить свет; могли сказать друг другу, все что хотели и выплакать все, что хотели выплакать.

Выходных дней в Работной Зоне не было. Зато были праздники. Целых три за год: день труда, день свободы и праздник справедливости. В праздничные дни рабочий день был короче на целых десять минут.

И над всем этим дисциплинированным, непрерывно циркулирующим человеческим муравейником, возвышался, утопая в смоге, словно циклопический механический замок, промышленный Завод.

Вот такой был мир, в котором угораздило появиться на свет мальчику по имени Резул. Родители его — Сумен и Наталья — вопреки всем невздам были самыми неунывающими, самыми непростительными оптимистами во всей Работной Зоне. Им самим при рождении не шибко повезло — родились они сильными физически и крепкими людьми. Поэтому, их, повзрослевших, отправили не в работные дома, а за город, копать Яму.

Годы каторжных трудов не сломили их. Каждый вечер, возвратившись домой после тяжелой работы, замечая, как грубеет их кожа, как обрастают тугими синюшными узлами набухшие вены, как увеличиваются горбы на спинах, они, зная себе, подшучивали друг над другом, смеялись искренним смехом, если полицейского не было рядом. Ведь у них была одна отчаянная радость, одно неизмеримое счастье на двоих — их маленький ребенок. Сын, которого она родила ему на второй год после заключения брака, заставил их по настоящему полюбить друг друга. Ведь состав семей определял кто-то сверху, до свадьбы они и знакомы не были.

Муж был так счастлив, в первый раз увидев это маленькое существо, был так рад целовать эти глупые глазки и маленькие миниатюрные пальчики. Подпрыгивая от восторга, он подарил жене прекрасное ожерелье из свежееобожженного кирпича. Украшение, правда, изъяли на следующий день при обыске, но это несколько не испортило им праздник. Их праздник на

троих. Сумен и Натьяна смеялись, шутливо спорили, выбирая младенцу имя. По ночам, устав от любви, они сочиняли смешные стишки про свое маленькое счастье, а днем, копая Яму, повторяли их про себя, украдкой улыбались и подмигивали друг другу.

Год шел за годом. Маленький Резул подрастал, вот ему уже исполнилось три года. Росла за жилыми кварталами и Яма, которую копали родители ребенка. Когда мальчику исполнилось четыре, Натьяна сорвала спину от непосильной работы. Она больше не могла копать. Для освидетельствования травмы и переквалификации работницы из Аккуратного Города приезжала целая комиссия. Четыре эксперта в белых халатах, со странными, словно из другого мира лицами, долго осматривали Натьяну, экспериментируя, заставляли ее поднимать тяжести различного веса, больно обстукивали ее тело медицинскими молоточками. Наконец, удостоверившись, что женщина не симулирует, ее перевели на более легкую работу, не забыв вклеить выговор за травму в связи с нарушением техники безопасности на производстве.

— Вот видишь, все это к лучшему, ободряла она мужа, держась за больную спину.

Сдав внеочередную проверку знаний и пройдя все инструктажи, Натьяна теперь ходила в работный дом, где занималась мойкой тарелок. Каждый день на ленте конвейера к ней приезжала целая гора грязной посуды. Все сервизы были из тонкого, как бумага фарфора, и женщине приходилось быть очень осторожной, чтобы чего-нибудь случайно не разбить. Откуда приходили все эти удивительные, украшенные прекрасными узорами сервизы, можно было только догадываться. Скорее всего, из Аккуратного Города, где люди жили не так как в Работной Зоне, а как-то иначе. Нередко на тарелках оставались небольшие кусочки чего-то очень вкусного, чего-то, что никогда не попадало на обеденный стол Натьяны и Сумена. Украдкой женщина собирала вкусные крошки в кулачок и относила их домой, своему маленькому сыну, чтобы и он знал, что есть на свете что-то еще, что-то кроме привычного распорядка Работной Зоны.

Как-то глубокой ночью, когда за окнами уже не было полицейского, она судорожно зашептала мужу под одеялом:

— Знаешь, я думаю, там, в Аккуратном Городе, есть что-то, чего нет у нас. Наверное, там совсем другая жизнь.

— С чего ты взяла, глупышка? — улыбнулся в темноте Сумен и начал игриво щекотать супругу.

— Ой! Брось! Перестань! Я же серьезно. Я хочу, чтобы наш сын жил лучше нас.

— Так и будет. Наш Резул заслуживает самого лучшего. Мы что-нибудь придумаем.

— Сумен, я хочу, чтобы наш сын учился. Пускай будет умным. Повзрослеет и станет инженером!

— Самим инженером!

— Да, он станет инженером и будет работать на Заводе! Резул выбьется в люди и расскажет нам много нового. Мы узнаем, что это за Завод, и какие виды продукции там производятся.

— Это отличная идея, любимая. Я сделаю все, чтобы она осуществилась. Да, теперь у меня есть мечта.

— У нас есть мечта!

— Да, наш сын будет учиться и станет самым инженером. Я слышал, в соседних Работных Зонах такие случаи уже были. Ребята с малолетства учились, и теперь у них всех чистая и опрятная работа на Заводе. Да, наш сын больше не возьмет в руки лопату! Резул будет ходить в белоснежной рубашке с кожаным чемоданчиком в руках!

— Дорогой, это так здорово! По закону детям можно учиться. Но где мы возьмем умные книжки для нашего сынишки?

— Купим, дорогая.

— А где мы возьмем деньги на книжки?

— Я что-нибудь придумаю. Обещаю.

Вечером следующего дня Сумен не принес домой очередную пайку. Вместо этого глава семейства бросил на стол одинокий медяк:

— Вот, дорогая, вклад в будущее нашего сына. Оказывается, нам можно брать плату деньгами.

— Но, что мы будем есть, родной мой. Ты всегда приносил с работы такие вкусные черствые корки!

— Не беспокойся Натьяна, я все продумал.

Ночью Сумен покинул голодный дом. Его не было примерно час. Однако, он вернулся. И пришел, надо сказать, не с пустыми руками. Вся семья обрадовалась знатному угощению.

— Вкуснятина! — заметила Натьяна, уплетая добычу мужа.

— Я и не подозревал, что слепая рыба, что плавает брюхом кверху в канале, такая вкусная, — согласился Сумен.

— Но это же не разрешено законом, — вопросительно посмотрела Натьяна на мужа.

— Заметь, но и не запрещено. Мутировавшая рыба из канала не только вкусная, но и бесплатная. Деньги мы будем тратить на учебники. А рыбу я буду ловить глубокой ночью, поэтому меня никто не поймает.

— Ах, ты мой разбойник! — улыбнулась женщина и ласково потрепала мужа по ушам. — И не стыдно?

— Зато мой сын будет инженером.

— Это не твой, это мой сын.

— Нет, мой.

И они засмеялись.

За два года они скопили нужную сумму. Достать учебники можно было только в Аккуратном Городе, поэтому Сумену пришлось брать отгул. У самого директора раскопок. Как положено по инструкции, при подаче прошения, Сумен подобрался к начальнику на четвереньках, склонив голову, и изложил свою просьбу.

— Глупое ты затеял дело, номер двести четыре. Не только глупое, но и подозрительное. Что ты пытаешься доказать? Ты хочешь прыгнуть выше головы, номер двести четыре. Мне это совсем не нравится. Подумать только, вздумал сына выучить на инженера! Я буду вынужден доложить об этом, куда следует.

— Мой полицейский уже доложил об этом. Все мои действия соответствуют закону. Господин директор, подпишите мне, пожалуйста, отгул. Это будет неоценимый подарок с вашей стороны нашей семье.

Директор раскопок подписал, хотя в последствии Сумену пришлось втрое отработать пропущенное рабочее время. После этого отец Резула отправился в Аккуратный город. Накопленные за два года медяки он сжимал в руках, поскольку жителям Работной Зоны не разрешалось иметь карманы на одежде. Разумеется, никто бы не позволил Сумену шастать по Аккуратному Городу в одиночку. Его сопровождали в пути десять молчаливых полицейских. А ноги Сумену предусмотрительно связали крепкой веревкой, поэтому он мог передвигаться только прыжками, и уж конечно не смог бы никуда убежать.

Вернувшись вечером из рабочего дома, Натьяна долго ждала мужа, а он все не возвращался. Вот уж и полицейский за окнами покинул свой пост и убрался спать в барак. Волнуясь, не случилось ли чего, женщина не могла заснуть. В голову уже начали заползать позорные, стыдные мысли. А если Сумену там так понравилось? Ведь все знают, что в Аккуратном Городе все совсем иначе, чем здесь. Что, если он захотел там остаться, и ему разрешили?

В этот момент муж вернулся. Тихо приоткрыл дверь, молча прошел мимо жены, равнодушно положил стопку купленных учебников на стол и долго неподвижно смотрел в окно.

— Сумен, что случилось? Вижу, ты все купил. Какой ты у нас молодец! Расскажи мне об Аккуратном Городе, что ты увидел там? Наверняка, там много всяких разных диковинок. И жизнь совсем другая, не такая как у нас. Что ты молчишь, скажи, я права?

Сумен отшатнулся от звука ее голоса, присел на краешек стула, сжав руками голову:

— В том городе нет ничего хорошего, дорогая. Ничего хорошего *для нас*.

Той ночью под одеялом он впервые плакал. Взрослый сильный мужчина тихо хныкал, как ребенок. Он не стал объяснять жене, почему. А на следующий день она уже не увидела на лице мужа улыбки. После этого случая Сумен больше никогда не улыбался.

Годы бежали. Жизнь в Работной Зоне текла своим чередом. Натяна перемывала горы посуды, стирая в кровь волдыри на пальцах, и уже не обращала внимания, какой там рисунок на кружке. Сумен уходил каждое утро по звуку заводского гудка и молча копал, выращивая на спине профессиональный горб. Яма на окраине Работной Зоны была уже так глубока, что, казалось, в нее можно было уронить весь этот чертов мир.

Резулу уже исполнилось двенадцать. Все это время он не играл и не работал. Согласно мудрому и справедливому закону, он только учился, накапливая в своей ясной голове непро-

стые знания по теории и практике топочных процессов. Он готовился стать специалистом по автоматизации промышленных печей и, действительно, уже многое кумекал в этом деле.

— Отец, ну неужели ты не понимаешь разницы между слоевым и факельным сжиганием угля? — качал головой Резул. — Дурак ты, папа.

— Сынок, не будь так строг. Твой отец не читал таких умных книжек, — шутливо защищала мужа Наталья.

— Да уж, чтоб лопатой махать книжки не нужны, — усмехался Резул. — А ты мамка тоже дура. Даже читать не умеешь.

— Учись, учись, сынок, — отвечала мать.

За месяц до тринадцатилетия нашего мальчика, настало долгожданное время экзамена. Сейчас все должно было решиться: либо Резул ответит на непростые вопросы и станет инженером, либо все завалит, получит в руки лопату и пойдет помогать отцу в его нелегком деле.

Для проведения экзамена из Аккуратного Города приехала целая комиссия. Шестеро одетых в бардовые мантии профессоров с одинаковыми, ничего не выражающими лицами, не вытирая ноги, зашли в дом Сумена и Натяны. Комиссия с пристрастием расспрашивала мальчишку о теории топочных процессов, о видах промышленных котлов, печей, циклонов и топков, о химическом составе угля, о способах продувки, о системах подачи газа и гидрошлакоудаления, о преимуществах и недостатках дробеочистки. Спрашивали не просто так, поверхностно, а с подлой подковыркой, задавали вопросы, что называется, на сообразительность. Но умный, начитавшийся книжек мальчик ответил на все. И ответил правильно. Еще он поразил профессоров своими знаниями по автоматизации топочных процессов.

— Я обязательно автоматизирую какой-нибудь технологический цикл на Заводе! — раскрыв глаза от восторга, пообещал им мальчик.

Комиссия еще долго совещалась. Потом профессора вынесли вердикт:

— Конечно, экзамен сдан. Правда, на тройку.

Резулу вручили большой блестящий диплом, в котором черным по белому было написано — «ИНЖЕНЕР — специалист по автоматизации топочных процессов».

— Ура! — крикнул мальчишка так радостно и громко, что в дом забежали встревоженные полицейские с улицы и начали махать дубинками. Профессора торопливо, перебивая друг друга, объяснили блюстителям порядка, что в доме нет ни одного жителя Работной Зоны. Да-да, считая и мальчика. Поэтому нечего размахивать палками и, вообще, проваливайте на улицу, господа полицейские.

Комиссия уехала. Они сказали, что с завтрашнего дня Резул уже будет работать на заводе. Будет работать инженером! Ему дали только один вечер, чтобы попрощаться с родителями.

— Надо же, ты все-таки это сделал, сынок! — заплакала от счастья мать. — Наша великая мечта осуществилась.

— О, да. Радость-то какая, — угрюмо сказал Сумен.

— Скажи, сынок, ты будешь жить в Аккуратном Городе?

— Не знаю, мам. Завтра у меня первый рабочий день. На заводе все и расскажут.

— Я уверена, ты будешь жить в Аккуратном Городе. Иначе и быть не может. Ведь инженера не живут в Работной Зоне? А тогда, где им еще жить-то?

— Ладно, мать, хватит тараторить, — сказал отец и строго посмотрел на сына. — Мы все отдали ради этого дня. Ночи не спали. Сытно не ели. Лишь бы у тебя появилась эта путевка в жизнь.

— Спасибо, отец, — ответил Резул.

— Мы приготовили тебе подарок! — утирая слезы радости, поделилась Натьяна, загорщиически подмигнула мужу и достала из-под полы какой-то сверток. — Носи на здоровье, сынок. Это настоящая рубашка. Белого цвета! Рубашка инженера.

— Тут на ней даже карманы есть, — попытался улыбнуться Сумен, но у него вместо улыбки вышел какой-то горький оскал. Смутившись собственного выражения лица, отец Резула поспешно отвернулся к стене.

— Спасибо мам. Спасибо отец, — поблагодарил сын. Он и представить себе не мог, чего стоило родителям достать в Работной Зоне подобную вещь. — Ну, все, хватит праздновать, завтра у меня первый день на заводе, а вы мне выспаться мешаєте. Так и проспать не долго.

Следующим утром, когда Резул открыл глаза, родителей в доме уже не было. Потому что день простых жителей Работной Зоны начинался в четыре утра. Почувствуйте разницу. Рабочий день инженера на заводе начинался в семь часов.

Не обращая внимания на обыскивающего дом полицейского, Резул умылся, оделся и побрел в сторону Завода. По сути дела, огромная заводская территория отделяла Работную Зону от Аккуратного Города. Резул шел на работу, не оглядываясь назад. Он дал себе зарок не возвращаться. Никогда. Да, там позади остались его родители. Ну и что. Для них работа всегда была на первом месте, так что привыкнут. Да, жить в Работной Зоне было нелегко, но им недолго осталось мучиться. Об этом знали все. При достижении определенного возраста бывших работников отправляли на пенсию. В жилые районы Работной Зоны приезжал специальный грузовик. В кузов машины полицейские запихивали стариков. Куда грузовик увозил пенсионеров, можно было только гадать, да только те дюжие ребята с винтовками, что сидели в кабине, не очень-то смахивали на работников дома престарелых.

Вот так, мысленно попрощавшись с родителями, Резул добрался до огнедышащей махины Завода. У него сразу заложило в ушах от гула огромных машин и свиста пара. Вот оно — начало новой жизни!

Резул смело зашел на предприятие, красуясь белоснежной рубашкой инженера. Надо бы прикупить с первой зарплаты красивый кожаный чемоданчик, подумалось ему. Без особого труда новый работник нашел начальника цеха и показал тому свой диплом и направление.

— Инженер — специалист по автоматизации топочных процессов, — прочитал вслух долговязый мужик в белой каске. — Диплом, вроде, настоящий. Такие специалисты нам нужны. Работать когда начнешь?

— Не терпится, хочу с сегодняшнего дня, — ответил Резул.

— Ну что ж, старший мастер тебя проводит.

— Спасибо, — ответил Резул, направляясь к двери следом за крепышом в красной каске.

— Постой! — окликнул его начальник цеха на самом пороге.

- Простите... — замер в дверях Резул.
- Хорошая рубашка, парень, — подмигнул ему начальник цеха.
- Спасибо!

— Вот и наш котельный цех, располагайся! — крикнул обугленный мужик в красной каске, едва они оказались в гигантском грохочущем помещении, со всех сторон обдающем пылающим жаром, потом и копотью. Потолок непрерывно поливали струи горячего пара, которые выпускали огромные ржавые форсунки. А вот внизу было сухо, очень жарко и тесно. Из многочисленных топок вырывались языки прожорливого пламени, жадно облизывающие раскаленные лопаты десятков кочегаров, чьи полубнаженные тела сверкали от пота при свете промышленного огня. Под ритмичный грохот каких-то тяжелых механизмов эти промасленные, прокопченные ребята с обреченными лицами неустанно кидали в топки все новые и новые порции угля. Другие работники, такие же грязные, обгоревшие и усталые, непрерывной вереницей подвозили на тачках топливо.

— Надо же, как тут все у вас запущено, — зацокал языком Резул. — Дайте только время, я тут все автоматизирую. Будьте уверены, я тут у вас порядок наведу.

— Да? Можешь прямо сейчас и приступить! — оскалился старший мастер и толкнул нового работника к топке. И, прежде чем Резул смог что-либо возразить, следом в его руки полетела раскаленная от нестерпимого жара лопата.

— Работай, лентяй, или кнута захотел! — заорал откуда-то сверху злобный голос. А затем что-то горячее и жесткое с быстротой атакующей кобры вылетело из грохочущей, изрыгающей

жар темноты и разорвало в клочья рубашку на плече нового инженера. Но, что-то подсказывало, это был не промах, наоборот, очень искусный удар хлыстом, удар опытного специалиста, который пока только хочет научить, а не проучить.

— Пойдите, тут какая-то ошибка! — закричал Резул. Слезы обиды и непонимания хлынули из его глаз, но тут же высохли, обгорели на лице под напором чудовищного жара топки.

— Не стой, дурак! Работай! Работай! — закричал ему хриплым шепотом горбатый, бардового цвета мужик, весь лоснящийся от текущего пота.

— Я не должен здесь работать. То есть должен, но не так! Я же инженер! Я учился! У меня есть действительный диплом!

— Конечно, у тебя есть диплом, идиот! — заорали ему на ухо кочегары. — Не будь его, тебя бы сюда и на порог не пустили. Мы здесь, брат, все, как один, высокообразованные инженеры.

Услышав тихий шепот разворачивающейся в воздухе ленты кнута, Резул начал лихорадочно кидать уголь в топку. Много позже он узнает, что жить придется в грязном заводском бараке, что рабочий день здесь начинается в семь утра, а заканчивается в два часа ночи, что здесь нет полицейских, но зато имеются надсмотрщики. Узнает он и самое главное — как нужно правильно бросать уголь в топку, чтобы при этом не обгорели руки.

Все эти бесценные знания придут к нему потом, с многолетним опытом. А пока же бригада высококвалифицированных дипломированных кочегаров продолжала свою вахту, как всегда немного перевыполняя план.

[из цикла «Кривые Миры»]

Замороженные сны

- Просыпайся, отморозок! Хватит спать! Ну же!
- Что ты делаешь, Корявый? Ты зачем...
- Не мешай. Убери свои грабли, Касячник! Я хочу посветить ему в зрачки.
- Зажигалкой? Хрена ли ты в этом понимаешь!
- Да уймись ты, он вроде очухался!

Йорке Мультилилья лежал с открытыми глазами. Он пришел в себя пару минут назад, но пока еще не мог совладать с мышцами глаз и пошевелить зрачками. Помнится, тогда он не успел закрыть веки. Таков был эффект мгновенной и полной заморозки. Сознание возвратилось сразу. Сколько он пролежал так? Несколько лет или десятилетий? А для Йорке словно прошло одно мгновение. Вот буквально только что вокруг стояли медики в голубых халатах, буквально только что был две тысячи сорок первый год, клиника профессора Хастмана, анабиозное отделение, неизлечимый рак легких и слабая надежда на спасение.

— Когда вы проснетесь, ваше заболевание для медицины будет не сложнее ангины, — уверяли специалисты в голубых халатах.

Конечно, он им поверил. У него просто не оставалось выбора. Призрачный шанс на исцеление в будущем казался ценнее двух-трех лет мучительной химеотерапии перед неминуемой смертью.

Впрочем, где это он? Помнится, пару мгновений назад, сквозь стеклянную призму анабиозной камеры он наблюдал большое пластиковое помещение, залитое ярким сиянием потолочных ламп, и консилиум специалистов, машущих ему на прощание руками. Теперь же он проснулся в темноте, даже не в камере, а на какой-то медицинской лежанке. При дрожащем свечении зажигалки Йорке увидел над собой два заинтересованных небритых лица. От них ужасно тащило крепким медицинским спиртом.

— Где я? — сумел произнести Йорке, с трудом выталкивая из себя звуки, словно это были пятидесятикилограммовые гири.

— Смотри-ка, а этот даже разговаривает! — отшатнулись лица. — Эй, ты как себя чувствуешь, чувак?

— Чувак, слышь, ты в клинике Хастмана. Тебя когда-то заморозили, чтобы, ну, типа, вылечить в будущем.

— Какой сейчас год? — прошептал Йорке.

— Какой... Да, вроде, три тысячи восьмидесятый...

— О, господи! Я проспал целое тысячелетие! — от ужаса слова быстро вырывались с уст пациента. — Все, кого я знал и любил, мертвы...

— Да ладно, чувак, не парься. Мы же прикалываемся. Сейчас две тысячи сорок второй. От такой новости Йорке аж приподнял голову:

— Выходит, я пролежал всего лишь год? Как такое возможно?

— Вообще-то, прошло всего лишь полгода, — сказали ему. — Но, зато какие полгода!

— Вы научились лечить рак легких? — со слабой надеждой спросил размороженный пациент.

Небритые лица не ответили.

Йорке услышал скрип маленьких колесиков по пластиковому полу и сообразил, что его куда-то везут. В проползающей мимо тьме он успел заметить еще несколько анабиозных камер, выхваченных из темноты скупым лучом шахтерского фонарика. Часть из них была вскрыта.

— Ребята, а что случилось? Почему нигде нет света?

— Это ты точно заметил, парень, — дыхнуло перегаром склонившееся лицо. — Света больше нет. Ни здесь. Ни на поверхности.

— Да что такое происходит. Объясните мне, вашу мать! — заорал Йорке и попытался пошевелить руками. Бесплезно, мышцы пока не слушались.

— Да кто его знает, парень. Мы новости не шибко смотрели. Говорят, эти, там наверху, что-то не поделили между собой. Крепко не поделили. А потом начали падать бомбы. Хорошо, что центр наш под землей, спасибо старику Хастману, никто из наших во время бомбежки не погиб. Да и радиация сюда не добралась. Телевидение, радио, связь пропали сразу. Электричество же мы экономим, запас топлива в дизельгенераторе уже подходит к концу. Мы здесь месяц сидели. Затем часть наших, в основном, профессора во главе с Хастманом, вышли наружу за помощью. Двенадцать человек ушло. Вернулся только один, да и то не целиком. Ужасно кричал, стучался в дверь. Мы его не пустили, боялись радиации. Так что, боюсь, мы с тобой, брат — одни из немногих выживших в этой заварушке.

Скрип колесиков и звуки голосов стали гулко разноситься и даже немного отражаться от стен слабым эхом. Йорке сделал заключение, что они оказались в каком-то большом зале.

— Мы то сами не врачи, брат. Уборщиками здесь работали, — зачем-то сказали ему небритые лица.

Каталка, на которой перевозили размороженного остановилась. Йорке неподвижно лежал с открытыми глазами, переваривая ужасные новости. Нелегко было все это воспринять. Если бы Вам сказали, что весь мир вокруг мертв, как бы Вы отреагировали? Чтобы бы почувствовали кроме ужаса и боли?

Бывшие уборщики стояли молча, словно чего-то ждали. Вскоре по потолку и стенам замечались еще несколько лучей от шахтерских фонариков. Раздались другие голоса. В помещении стало многолюдно. Вокруг размороженного пациента теперь столпилось человек сорок — все изможденные, усталые, давно нестриженные и небритые.

— Наконец-то, — выдохнул кто-то.

Затем вперед вышел лысый человек в помятой куртке:

— Приветствую тебя от лица нашего дружного коллектива. Я думаю, тебе уже в общих словах обрисовали произошедшее. Как бы то ни было, нам нельзя отчаиваться. Случилось самое страшное, и нам уже ничего не изменить. У нас в обрез топлива, еды и воды. Но мы должны выжить вопреки всему. Поэтому мы должны работать. Нас здесь тридцать восемь человек осталось, каждый на своем месте. И каждый верит в спасение.

— Это я понимаю, — проговорил Йорке, оглядывая взволнованные лица и глаза жителей медицинского бункера. — Я только одного не могу уразуметь. Зачем вы меня разбудили? Ведь вам самим уже нечего есть?

— Вот в этом-то все и дело, брат. Ты уж извини.

Блеснули топоры...

[из цикла «Не прекрасное далеко»]

Из благих побуждений

— Десять минут. Полет нормальный!

В глухом герметичном шлеме слова пилота перемешивались с его сиплым дыханием, чавканьем жвачки и дальними переговорами диспетчеров операции. Переходя на цифру, звуки эти превращались в мелодичный треск и визг компьютерного коннекта. На мониторах внешнего обзора стремительно проносились теплые воды вражеского океана. Позади неслышно держались два истребителя поддержки. Руки пилота на штурвальном руле уверенно держали курс. Можно было давно переключиться на автоматическое управление. Но пилот бомбардировщика предпочитал сам управлять самолетом, чувствовать в своих руках силу и мощь огромной машины. Только это его и развлекало в последние дни, ведь современная война — это такое скучное дело.

В грузовом отсеке мирно дремал боезапас. Тяжелые смертоносные снаряды были, словно младенцы, ласково убаюканы заботливым персоналом, бережно уложены в механические колыбели. Бомбы терпеливо ждали своего часа.

Под брюхом бомбардировщика промелькнула кромка песчаного берега, и теперь военный самолет на бреющем полете пересекал пустыню. Пилот успевал заметить внизу небольшие группки бредущих бедуинов, цепочки нагруженных верблюдов, редкие оазисы. Местные

арабы — представители пустынных кочевых племен вели свою обычную размеренную жизнь, как и тысячу лет назад. Начавшаяся война их абсолютно не интересовала. Да и самого пилота военная операция волновала не особо, в конце концов, это была его обычная, порядком надоевшая работа. Гораздо больше он сейчас думал о предстоящем разводе, о неизбежной выплате алиментов, о том, что жена непременно попытается отсудить у него дом. Пытаясь отвлечься от неприятных мыслей, пилот включил портативный телевизор, там как раз показывали очередной матч по суперболу. Благодаря ретрансляторам авианосца бойцы могли воевать еще с большим комфортом, не пропуская любимые передачи даже здесь. До Тегерана было еще десять минут полета, поэтому пилот позволил себе расслабиться, насладиться матчем и перешел на автоматическое управление.

На панели тревожным огоньком заморгала красная лампочка, предупреждая о внезапной ракетной атаке. Из облаков на бомбардировщик россыпью брошенных камней ринулись восемь иранских «мигов». Вражеские истребители непрерывно обстреливали ракетами свою медленно ползущую в небесах добычу. Но пилот даже головы не повернул — по телевизору страсти накалялись, представьте себе, красные быки подчистую сливали матч новичкам с восточного побережья!

Автоматика уже работала, отстреливая во все стороны тепловые ловушки. Ракеты противника были потрачены впустую, а сами «миги» встретились с яростным огнем истребителей сопровождения. Все закончилось за пару минут. Как не искусны были иранские летчики, летали они на допотопных боевых машинах. В результате шесть «мигов» пылающими лохмотьями рухнули на песчаные дюны, еще два вражеских самолета поспешили скрыться.

Матч закончился с сухим счетом. Бомбардировщик замер над своей целью. Пилот выключил телевизор. Пора было поработать. Внизу впустую работали зенитные батареи противника. Их заряды не достигали цели, лишь бессильно разрывали облака двумястами метрами ниже. Пилот нажал заветную кнопку, щедро рассыпая свой смертоносный груз над кварталами Тегерана. Затем — полный форсаж — вдавливающее в кресло ускорение — стремительно уносящийся в прошлое вражеский город, по рассыпающимся улицам которого проносился сейчас неуправляемый радиоактивный огонь.

Конечно, правительство Ирана и военная верхушка уцелели, укрывшись в подземных бункерах. Но демонстрация силы удалась. Теперь враги серьезно задумаются, стоит ли дальше продолжать сопротивление. Конечно, при бомбежке пострадало и мирное население. Вынужденные, но неизбежные жертвы. В конце, концов, это делается для них. Не в захвате здешних полезных ископаемых все дело, как утверждают некоторые. Все эти бомбежки производятся ради простого населения. Родившись в устаревшей авторитарной системе, они были обречены существовать в ней, были лишены всех прав и свобод. Но после капитуляции все изменится. Своими штыками и бомбами освободители установят на этой земле новый порядок. Устаревший государственный строй будет изменен. Сегодня был разрушен Тегеран, завтра будут атакованы Москва, Париж, Вашингтон и Пекин. Бомбежки столиц будут продолжаться до тех пор, пока на всей Земле не установится самый прогрессивный строй во Вселенной, и человечество вздохнет свободно, вкусив все прелести кассиопейской квадратурности.

[из цикла «Присутствие»]

Большое нечеловеческое СПАСИБО

Надо сказать, ему повезло. Просто посчастливилось проснуться раньше. Гутаперт Арчибальдович Хворый поднялся со скрипучей дачной койки минут за двадцать до того, как тяжелая поступь их многочисленных ног и грохочущее дыхание тысяч изнуренных глоток наглухо задавили все звуки этого мира. Но пока ничего не предвещало надвигавшегося кошмара.

Деревянные стены дачного домика с трогательной домашней преданностью все еще хранили вечернее печное тепло. За окошком в разлившейся прохладной тишине замерло осеннее утро. Заблудший ветерок бездумно причесывал тяжелые колосья пшеницы на неубранных полях. Вдалеке чернела полоса дикого леса. Кто-то даже чирикал в небесах. Вся эта спокойная отрадная обстановка дачного захолустья непременно должна была зацепить какую-то особую живую и нежную струну в душе забравшегося в эти края заостренного горожанина. Должна была, но, что-то не цепляла. Наоборот, выть хотелось. Какая-то необъяснимая тоска, непонятность, терзала Хворого с момента пробуждения. Так терзала, что вздохнуть было трудно. Какая-то холодная гадость, неопишуемая неправильность засела между глаз в мозгу, звала куда-то, покоя не давала. Хотелось непременно сделать что-то важное. Но вот только что именно? Станный зов был силен, но непонятен. Гутаперт Арчибальдович прислушался к себе — ага, вроде нужно было куда-то идти. Простите, но куда? Обеспокоенный своим состоянием, близким к помешательству, Хворый толкнул дверь и вышел на улицу.

Улицы, впрочем, не было как таковой. Зато был загородный участок на шесть соток, пожелтевшая теплица, заросший бурьяном огород и деревянный скелет будущей бани возле колодца. Хворый спросонья оглядел свои загородные владения, обезображенные неотступной ленью и вечной нехваткой времени нерадивого хозяина, и сразу обратил внимание на серую бетонную дорожку. На ней чернеющими багровыми кляксами зияли засохшие следы недавней, кем-то оброненной крови. Гутаперт Арчибальдович озадаченно почесал горящий затылок. Утро и так не задалось, а тут еще и вот это! Не хватало ему еще бесцеремонного вторжения местных вороватых бомжей. Подобные набеги не были редкостью. Дачный участок Хворого стоял на отшибе. Поэтому частенько становился жертвой охотников за легкой наживой. Незваные гости подчистую выгребали с участка все, что можно было продать или приспособить в нелегком быту бездомных скитальцев.

Но нет, сейчас все было иначе. Да и на даче, на первый взгляд, ничего не украли. Судя по следам, кто-то с безумной прямолинейностью проложил себе путь сквозь участок, запутавшись в колючей проволоке и проломив изгородь в двух местах. Словно несчастные шесть соток Гутаперта Арчибальдовича просто оказались на пути кого-то или чего-то. Небольшой дачный участок можно было без труда обойти стороной. На это ушла бы одна минута времени, не больше. Но тот, кто протаранил изгородь, видимо, очень куда-то торопился. Или же убегал от чего-то, что было пострашней зубцов колючей проволоки. Хворый огляделся. Развороченный кустарник за забором, ошетилившийся обломанными ветками, рассказал о дальнейших действиях нарушителя частных владений. Кем бы ни был этот странный тип, он продолжил свой путь, не сбавляя скорости. Скрылся в северном направлении. В этот момент Хворый осознал, что именно на север его манит с утра какое-то навязчивое зовущее притяжение.

Усиленно перебарывая эту вновь обретенную мысль, Гутаперт Арчибальдович лениво проковылял до колодца и мужественно ополоснул ледяной водой свой почти что греческий профиль. Распугав всех окрестных кошек бульканьем и фырканием, которые неизменно сопутствовали этой утренней гигиенической экзекуции, Хворый все-таки одолел остатки сонливости и стер с физиономии красные следы отпечатавшейся подушки.

Настырный зов в голове усилился. Будто чей-то голос навязчиво уговаривал, убеждал, пока еще только просил немедленно идти на север. Вот прямо так: бросить все и непременно тащиться на север.

— Ну, уж нет. На что мне это? Ничего такого я делать не стану, — сердито сказал сам себе Гутаперт Арчибальдович и добавил. — Пойду-ка я лучше прогуляюсь.

Жадно ловя широкими штанами поднятые с дороги клубы пыли, Хворый покинул свои дачные владения. Он напевал себе под нос какую-то мутотень, тщетно пытаясь отгородиться от надоевшей несмолкающей холеры, засевшей в мозгу. Вот так, предельно занятый борьбой с совершенно естественным желанием отправиться в странствия куда-нибудь на север, Хворый все брел и брел куда-то. Минут пять плелся. Куда глаза глядят. Как позднее оказалось, глядели они на север. Получается, все это время Гутаперт Арчибальдович уверенно шагал в самом северном из всех возможных направлений.

— Что за ерунда! — гневно отругал сам себя Хворый и заозирался, прочесывая окрестности встревоженным взглядом.

Вокруг не было ни души. Разбуженный дачник один, как перст, торчал среди желтушного пшеничного поля. Вдалеке, на фоне поросшей диким лесом сопки чернела крыша покинутого дачного домика. Странная, не предвещающая ничего хорошего тишина зависла вокруг. В пасмурных, затянутых белесой пеленой небесах уже никто не гаркал, не чирикал. Что-то нездоровое, неправильное ощущалось в натянутом, колючем от влаги воздухе. Не представляя, с какой стороны ожидать подвоха, Хворый зябко втянул голову в плечи и тут увидел их.

По неубранному полю, сшибая тяжелые набухшие колосья, прямо на него бежали два человека. Со всех ног неслись. Видимо, они выскочили из леса. Бегуны эти никак не походили на спортсменов. Из одежды на них болтались разве что лохмотья, в которых с большим трудом можно было угадать остатки деловых костюмов. Бегущие постоянно озирались, а один ужасно хромал, словно на каждом шагу проваливался в яму. Тем не менее, темпа они не сбавляли. Неслись со всех ног и, видать, уже не замечали ничего вокруг, даже друг друга.

Хворый не отрывая взгляда, смотрел за этим странным зрелищем. Не прекращая озираться, бегуны проскакали мимо дачного участка и с пугающей необратимостью приближались к Гутаперту Арчибальдовичу. Хворый решил не искушать судьбу и вежливо уступил спринтерам дорогу.

Захлебываясь собственным истошным дыханием, странная парочка пронеслась мимо. — Физкульт-привет! — зачем-то бросил им в след Гутаперт Арчибальдович.

Бегуны со включенными волосами, покрытые лоснящимся потом и многочисленными ссадинами, даже не посмотрели на него. Продолжили свой дикий бег в северном направлении. Хворого в который раз кольнуло сильнейшее желание броситься следом. Собрав волю в кулак, он заставил себя остаться на месте. Даже отвернулся от бегущих, сосредоточив взгляд на оставленной даче и мохнатой сопке за ней.

Бугристый холм был покрыт густым ковром хвойного леса. Косматые верхушки далеких кедров и сосен кланялись вразнобой, раскачиваясь под сильными порывами ветра. Постойте! Однако же, что-то было не так. Стоял полный штиль. Никакого ветра не было и в помине. Тем не менее, далекие деревья, сливающиеся с такого расстояния в сплошную хвойную шкуру, раскачивались все сильнее. Словно гигантская незримая длань поглаживала сопку, проходясь по растрепанным верхушкам деревьев.

Хворый сглотнул засевший в горле ком. Что-то неладное происходило с этим лесом. У Гутаперта Арчибальдовича задрожали ноги. Но не сами по себе. Крупная лихая дрожь прокатывалась по земле, отдаваясь в гудящих ногах тревожным эхом. Со стороны ожившего леса послышался и начал нарастать непонятный пугающий гул, сопровождаемый далеким треском.

Это ломались столетние стволы деревьев, не выдерживая напора какой-то тупой неодолимой силы. Могучие кедры и ели лопались как спички. Теперь это было видно даже с такого расстояния. Странный гул перерос в грохот, заставив Хворого неосознанно пятиться назад. Под этот жуткий аккомпанемент сквозь застывший, остекленевший воздух человек с раскрытым ртом наблюдал, как бугристый лесистый покров вспарывают все новые и новые неестественные просеки. Этим проплешинам с каждым мгновением становилось все больше. В этот момент Хворый заметил: облысевшие участки леса мгновенно заполнялись какой-то серой шевелящейся массой. И прежде, чем их первые толпы выскочили из под покрова падающих деревьев, Гутаперт Арчибальдович понял, что к нему приближаются люди. Много людей. Очень много. Целые толпы людей, поднятые и взбудораженные одной общей целью, одним единственным желанием — со всей возможной скоростью двигаться на север. Сначала по-одному, потом группами, а затем целыми толпами по двести — триста человек неудержимый людской поток хлынул из леса, только что прекратившего свое существование. Теперь вся сопка была покрыта сплошным живым ковром, состоящим из бегущих людских тел.

От накатившего грохота заложило в ушах. От топота бескрайнего человеческого стада подпрыгивала земля под ногами.

— Господи боже... — пробормотал Гутаперт Арчибальдович вопреки своему атеистическому воспитанию. Но удивляться и ужасаться было некогда. Самое время сейчас пришло для спасения от нагрянувшей напасти своей драгоценной пятой точки. К этому выводу Хворый пришел не сразу, а только после того, как его, удивленно разинувшего рот и механически почесывающего урчащее пузо, весьма бесцеремонно сбила с ног и едва не втоптала в чернозем первая волна бегущих.

С истошным воплем Гутаперт Арчибальдович растолкал навалившиеся на него тела, вскарабкался на ноги и со всего духа припустил на север, прирастая к бегущей человеческой массе, становясь неотъемлемой сотысячной частью людского муравейника.

Бег. Бег, похожий на бегство. От топота копыт пыль по полю летит. Бескрайнее человеческое месиво. Буйное море скачущих людских голов, качающихся спин. Густые леса работающих рук и ног. Целые луга пропотевших волос. И наш герой, метущийся среди этого хаоса.

Хворый бежал. Бежал, стиснув зубы, сжав в охапку горящие легкие и дико колотящееся сердце. Из одежды на нем теперь болтались только лохмотья. Да что там одежда! Все тело несчастного покрывали многочисленные ушибы и ссадины. Местами были содраны целые лохмотья кожи. Толпа не щадила. Каким-то чудом на руке все еще оставались часы, по которым Хворый мог определить, что этот ненормальный коллективный забег длится уже пять часов.

Наш герой никогда бы не подумал, что у него хватит сил на такой затяжной марш-бросок. Но, если однажды захочешь выжить, по настоящему, не по-детски захочешь, силы найдутся. Так что Гутаперт Арчибальдович продолжал бежать вперед, заставляя себя передвигать налившиеся свинцом ноги. Перед глазами до сих пор стояла кошмарная картина: вот бурлящая человеческая масса выкатывает из агонизирующего леса, вот она встречает на своем пути дачный домик Хворого и с грохотом разносит его в щепки. Буквально раскатывает по бревнышку. Стоило отстать — и окажешься в тех задних, плотных, покрытых своей и чужой кровью рядах, что тяжело бежали за спиной. А уж там, позади, достаточно лишь один раз запнуться или поскользнуться. Дальнейшее довершит толпа — безмозглое многоликое существо, уничтожающее все на своем пути. Так что Гутаперт Арчибальдович предпочитал придерживаться заданного темпа и бежать в более свободных первых рядах. Особой физической формой наш герой не отличался, но зато желание жить у него было исключительное.

Хворый старательно втыкал ноги в рыхлую землю, аккуратно выбирая дорогу, держась подальше от больших групп бегущих. Все это Гутаперт Арчибальдович, вконец одуревший от длительного забега, делал автоматически, почти не задумываясь. Мыслей в голове практически не осталось. Кроме одной, самой главной, невообразимо важной. А именно — о чрезвычайной необходимости двигаться на север. Теперь это навязчивое утреннее желание переросло в неоспоримую уверенность в своей цели, уверенность толпы. Что-то заложено в людях. Какое-то predetermined подчинение коллективному разуму, действиям толпы. Это стадное чувство намертво привязывает к людскому потоку, заставляет бездумно следовать туда, куда идут все остальные. Сейчас, среди бескрайней бегущей человеческой толпы этот скрытый инстинкт чувствовался особенно сильно. Казалось, сейчас нет ничего более естественного и в то же время неоценимо важного, чем это всеобщее движение на север.

Вечерело. Вздымая тонны брызг, толпа бежала по болоту. Ошалевшие от радости комары роились в воздухе, не зная с кого начать. Изредка кто-то из бегущих, поскользнувшись, плюхался мордой в прокисшую жижу. Рухнувшее тело моментально становилось препятствием для остальных. Налетающие на него люди пачками валились друг на друга, словно фишки домино, образуя растущие завалы шевелящихся тел. Завалы, которые очень скоро приобретали злое щий багрово-алый окрас. А затем на эти курганы вопящей человеческой плоти налетали крушащие все на своем пути задние ряды...

Гутаперту Арчибальдовичу пока что непростительно везло. Он ни разу не поскользнулся, не оступился на всем пути от дачного участка до реки. За это время смертельная опасность несколько раз нависала над ним, однако Хворый при всем этом хитрил ни разу не умереть.

Но вот впереди показалась широкая река с неподходящим названием «Радостная». О ее коварной глубине, поглотившей десятки купающихся, в здешних местах знали все. Я думаю, сейчас самое время упомянуть о том, что Гутаперт Арчибальдович с детства не умел плавать. Вообще боялся больших открытых водоемов. Но в данный момент Хворого никто не спрашивал, боится он чего-то или нет. Толпа уверенно тащила его напрямик к реке. Видимо, коллективный разум считал, что плавать умеют все.

При виде надвигающейся опасности Гутаперт Арчибальдович остановился, поборов стадный рефлекс. В конце концов, на север можно было сходить как-нибудь в другой раз, в более спокойной обстановке.

Не тут то было. Обнаружив новое препятствие в лице Гутаперта Арчибальдовича, толпа начала напирать, толкаться. Хворому пришлось топтать дальше, чтобы не оказаться в ужасающих задних рядах. Да и так уже стало тесно от бегущих со всех сторон пропотевших человеческих тел. Людской поток подхватил Хворого как пушинку и понес к отвесному берегу реки, не забывая прокручивать его в вопящих водоворотах ног и рук.

Какое-то время спустя, сидя на верхушке абсолютно гладкого бетонного фонарного столба, Гутаперт Арчибальдович так и не смог сообразить, каким чудом он туда взобрался. Хворый переводил дух, успокаивая загнанное сердце, и с высоты своего насеста наблюдал за проползающими внизу человеческими толпами. Оказалось, задние ряды двигались гораздо медленнее передних. Быстро передвигаться они не могли в принципе. При такой-то тесноте, бредущие внизу люди были сбиты в плотное спрессованное месиво, давящее и душащее все на своем пути, даже самое себя. Насмерть зажатые со всех сторон несчастные тащили друг друга, ломая кости, выжимая из спрессованных легких последний воздух. В такой давке они даже стонать не могли. Многие из тех, кто попал в плен этому ползущему кошмару, уже не двигались. Но толпа равнодушно тащила их дальше. По большому счету, толпе было все равно. Мертвых она заставляла двигаться, как живых. Живых превращала в ходячие трупы.

Неожиданно фонарный столб пошатнулся. Хворый, который чуть не отправился в стремительный полет, намертво вцепился в свой насест всеми хватательными конечностями. Там внизу бурлящий человеческий поток густыми волнами скатывался в вышедшую из берегов реку, при этом он жестко прессовал железобетонное основание столба, не считаясь с многочисленными жертвами. Настоящий багровый бурун крутился у подножия опоры. У тех, кого сносило в эту мясорубку, не было шансов на спасение. Можно подумать, они были у остальных!

Шансы Гутаперта Арчибальдовича дожить до пенсии тоже стремительно уменьшались. Холодея от ужаса, Хворый наблюдал, как беспощадная толпа бросает все новые и новые волны на смерть, стирая в пыль железобетонное основание столба, выкорчевывая его с корнем. В итоге усилия обезумевшей людской массы увенчались успехом. Фонарный столб с присосшим к верхушке Гутапертом Арчибальдовичем начал падать. Разворотив землю, опора обрушилась на толпу, подбросив к небу выдранные камни и некоторых не особо удачливых участников массового шествия.

Отлетев в сторону, Хворый врезался в человеческое месиво и покатился кубарем, подпрыгивая на чужих черепах, как на булыжниках мостовой. Толпа, обозленная таким способом передвижения, тут же обрушила на Гутаперта Арчибальдовича кулаки и зубы. Хворому не оставалось ничего другого, кроме неуклюжего передвижения по шевелящейся человеческой массе. Прямо по головам. Признав в Гутаперте Арчибальдовиче своего самого заклятого врага, толпа пыталась схватить его, стащить вниз, втоптать в землю, стереть в порошок. Но Хворый не зря просидел столько времени на столбе. Он успел восстановить силы и теперь лихо скакал

по шевелюрам и лысынам, с легкостью уходя от многочисленных жарких объятий. Выносливостью своего поношенного организма Хворый сейчас удивлял сам себя. Минут через десять он добрался до передних рядов, прыгнул на землю и со всех ног припустил на север.

Ну вот нашли большое поле, плоское и ровное, как гигантский обеденный стол. Хворый как раз бежал впереди планеты всей, когда заметил на горизонте нечто страшное. Прямо им навстречу бежали тысячи людей — точно такая же толпа, которая накатывала с необратимостью снежной лавины. Еще немного, и два человеческих потока должны были столкнуться, перемолов друг друга в кровавую труху. А настырный голос в башке, как на зло, усилился до всепоглощающего грохота и теперь буквально орал, приказывая быстрее, еще быстрее двигаться на север. Хворый сейчас при всем желании не смог бы остановиться. Встречный людской вал стремительно приближался. Гутаперт Арчибалдович уже различал впереди лица бегущих — такие же безумные, как и у тех, что неслись за его спиной.

И тут все неожиданно прекратилось. Исчез потусторонний голос в голове, а вместе с ним и желание топтать на север. Видимо, то же самое происходило и с остальными. Хворый встал как вкопанный. Одновременно замерла и вся толпа. Странная чуждая тишина зазвенела в ушах. Люди заозирались, в глазах впервые появилось разумное выражение. Кто-то даже бросил кому-то пару осмысленных фраз. Потом все дружно подняли зенки в небо, потому что там началось удивительное действо.

Над задранными головами толпы со скрипом завис инопланетный корабль самой невероятной формы. Правда, на вид какой-то весь потасканный и насквозь ржавый, измалеванный разноцветными надписями на непонятных языках. Но факт был налицо — в небе появилось самое настоящее НЛО.

— Вот оно, — подумал вслух Хворый. — Вот ради чего мы спешили сюда. Нас позвал вневременной глас. Мы станем участниками чего-то величественного. Это первый в истории контакт с инопланетянами, в достоверности которого никто не засомневается. Ведь вокруг столько свидетелей! Раз пришельцы согнали сюда столько народа, да еще такой ценой, значит, они хотят сказать что-то важное, что-то главное. Возможно, именно сегодня будет наведен первый мостик между двумя мирами, и для человечества откроется дверь в космические просторы!

Инопланетный летательный аппарат взвыл как сорок паровозов, взмыл вверх, выплюнув сквозь торчащие во все стороны выхлопные трубы густые клубы черного угольного дыма.

— Ну вот, началось, — напрягся Хворый.

Все вокруг тоже затихли. Под грохот многочисленных топок и неприятную скрипучую музыку, похожую на завывание гигантской шарманки, в днище НЛО открылся овальный люк. Из него высунулась зеленая чешуйчатая рука с жестяным ведром.

— Ух ты! — выдохнула толпа.

Зеленые руки привычным сердитым движением вытряхнули из ведра какую-то летучую фигню. Затем частично показавшийся наружу инопланетянин исчез. Люк тут же торопливо закрылся.

— И что? — недоуменно протянул Гутаперт Арчибальдович.

А то: сброшенная фигня не только не упала, зависнув в воздухе, она разделилась на три части, которые начали стремительно расти в размерах до тех пор, пока не стали видны каждому в толпе.

В небе парили пятнистый тетраэдр, зеленый шар и огненное кольцо. Фигуры начали быстро перемещаться по кругу. Затем тетраэдр и шар стали поочередно пролетать через кольцо. Потом они принялись с треском сталкиваться, заливая землю дождем крупных искр.

— Они пытаются что-то нам сказать, — подобрался Хворый. — Что-то важное. Это какой-то универсальный космический язык. Но как понять? Как расшифровать?

Фигуры продолжали носиться над головами, постоянно меняя характер движения. Толпа пристально наблюдала за воздушным действием, в том числе открывший рот Гутаперт Арчибальдович.

— Что вы хотите нам сказать? — закричал он, не выдержав. — Я ничего не понимаю!

Обидно было до слез. Пришельцы, быть может, летели сюда миллион лет, чтобы просветить землян или о чем-то предупредить. Но не могли достучаться до недоразвитого человеческого мозга.

Покружив минут десять в небе, летающие фигуры исчезли, лопнули с треском, от которого у всех заложило в ушах.

— Нет, не улетайте! Я еще ничего не успел понять! — замахал руками Хворый.

Инопланетяне проигнорировали его крики. НЛО подлетело еще выше, сопровождаемое сухим звуком забрасываемого в топку угля, оглушило всех протяжным гудком и на огромной скорости скрылось в осеннем небе.

На земле остались стоять сотни тысяч обескураженных людей. Они не знали, что чувствовать, что говорить. Слишком уж безумным, нереальным выдался этот день.

— Может, по домам? — предложил кто-то в толпе.

В этот момент откуда-то с неба, словно конфетти, посыпались яркие цветные бумажки. Люди ловили их на лету, поднимали с земли, читали. Гутаперт Арчибальдович тоже не остался в стороне. Одним из первых он завладел трепыхающимся в воздухе листочком, на котором разноцветными буквами на человеческом языке было напечатано следующее:

«ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Приветствуем Вас, земляне! Как говорится, большое СПАСИБО, что пришли! Внимание! Только у нас и только для Вас! Спешите видеть! Каждый вторник и четверг приходите на наш зов! Короткие гастроли! Всего-то триста земных лет! Не пропустите потрясающие выступления механического балета с планеты Заг-Заг-Заг! Еще раз огромное СПАСИБО за внимание!

Тираж 6 000 000 000 экз.

ГОСТ 86—30—611

Перевод и печать — типография комитета примитивных языков министерства культуры Заг-Заг-Заг»

[из цикла «Присутствие»]

Поединок

Все. Дальше звезд не было. Космос словно кончился. Озадаченно почесывая погоны, земляне смотрели в чернушную вселенскую тьму. Но на самом деле звезды никуда не делись. Просто их не было видно — обзор загородила инопланетная космическая флотилия циклопических масштабов. Сотни тысяч, а, может, и миллионы гигантских звездолетов неожиданно встали на пути человеческой эскадры. Или это земные корабли преградили путь начинающему вторжению? В любом случае, силы были явно не равны. Соотношение 1: 1000 сразу заставило землян засомневаться в разумности завоевательного рейда в этом космическом направлении. Инопланетные корабли, как и земные, неподвижно замерли и словно чего-то ждали. Связь со сверхскоростными роботами-шпионами «Зорге-1» и «Зорге-2», запущенными в сторону неприятеля, только что оборвалась. Прежде чем сгореть в защитных полях инопланетной армады, они успели передать неутешительную информацию. Противник обладал колоссальной боевой мощью. Чтобы стереть в пыль человеческую цивилизацию и даже воспоминания о ней, хватило бы и десятка инопланетных кораблей.

— Мы пропали!

— Надо отступать! — закричали в панике собравшиеся на земном флагмане командиры

— Нельзя возвращаться на Землю, — возразил Гельмут Айтнц — командор человеческой флотилии. — Они полетят за нами. По нашему следу они найдут Солнечную систему и атакуют все обитаемые планеты.

— Рано или поздно они все равно найдут Землю! Наша гибель ничего не решит! Надо бежать! Спасайся, кто может! — завопил кто-то из командного состава, кажется, капитан «Бесстрашного покорителя Вселенной».

— Нет, — строго возразил мужественным голосом начальник продовольственного снабжения флота. — Нужно вступить в битву. Атаковать первыми. Пускай инопланетные ублюдки увидят, как дерутся и погибают настоящие мужчины. Эта битва останется в веках. О нашем мужестве будут слагать песни и легенды!

— Да, а о нашей безрассудной глупости будут сочинять анекдоты, — ответил кто-то.

— Хватит! — оборвал все пересуды командор. — Отставить панику! Вы, все, немедленно успокойтесь! Инопланетяне сейчас точно также обеспокоены, как и мы. Они пока еще и понятия не имеют об уровне нашей цивилизации и о своем превосходстве. Поэтому, пока еще есть время, нужно вступить с ними в переговоры и обсудить капитуляцию человеческой цивилизации на выгодных для нас условиях.

На том и порешили.

Противник не спешил нападать. Неприятель был, видимо, обеспокоен поведением землян, которые вопреки здравому смыслу почему-то не отступали пред лицом превосходящих сил врага. Возможно, инопланетяне опасались, что у людей припасено по их душу какое-то сверхсекретное, невероятно мощное оружие. Так или иначе, противник счел идею переговоров достаточно разумной и даже удосужился отправить свой корабль для встречи парламентариев.

Два боевых флота замерли друг против друга где-то на дальних рубежах галактики. Два враждебных мира приготовились к взаимному уничтожению, ошетинились стволами, раскромсали космический вакуум прозрачными линзами плазменных и магнитных экранов. Посреди этого противостояния, на звездолете пришельцев, ожидающем в пустоте с отключенным защитным полем, и должна была произойти историческая встреча двух враждебных космических племен.

Гельмут Айтц очень осторожно, с выключенными габаритами, подлетел к кораблю кармаков — так инопланетяне называли себя. Универсальная шлюпка землян системы «Удав» несколько раз обвилась вокруг чешуйчатого корпуса вражеского судна, шевеля механическими жвалами, нашла стыковочный отсек и жадно вцепилась в шлюз переходным модулем.

Едва система автоматики откинула в сторону свои и чужие двери, командор ввалился внутрь в сопровождении небольшого отряда. В своих руках предводитель человеческого флота гордо нес белый флаг, наспех сшитый из простыни. Внутри людей ждала привычная система искусственного тяготения. Это обстоятельство еще раз подчеркнуло высокий уровень вражеской цивилизации. Впрочем, все это могло оказаться и подлой западней. Кто их знает, этих пришельцев, на что они способны? Поэтому Гельмут Айтц, отправляясь на корабль противника, хорошо подготовился. Командора сопровождал целый взвод космической пехоты, законной в жидкую нейтронную броню. В своих руках эти возвращенные на анаболиках удалыцы со знанием дела держали системы ураганного огня «Ад». Опередив отряд, в неосвещенные коридоры инопланетного транспорта первыми вступили робошахиды, жадно обшаривающие корабль инфракрасными окулярами. Эти напичканные электроникой и взрывчаткой механические парни должны были уничтожить любую опасность, прежде чем люди заметят ее. А за спинами команды, так сказать, в качестве последнего аргумента, стоял пращник, не спеша раскручивающий в стальной петле необычайно действенную водородную боеголовку.

— Главное, не вызвать у них агрессии, — наставлял Гельмут Айтц сопровождающих. — Постарайтесь выглядеть миролюбивыми и дружелюбными. Улыбнитесь, наконец!

Шаги отряда гулко отдавались в пустых темных коридорах. Сбившиеся в кучу земляне медленно плелись по извилистым переходам и широким лестницам. Наконец, командор со спутниками добрался до большого зала, скупо освещенного несколькими ползающими по стенам лампочками. Здесь их уже ждали. У противоположной стены стояли кармаки — шестеро особей мужского пола.

Ну и где же наши робошахиды, возник у командора резонный вопрос. Отчего до сих пор не разорвали любезных хозяев в клочья? Конечно, это было бы невежливо и весьма неуместно, понимал Гельмут Айтц, однако роботы могли хотя бы предупредить, просигнализировать своим хозяевам об укравшемся противнике.

— Бестолковые механизмы, — раздраженно посетовал командор и тут увидел своих роботов.

Робошахиды плакали. Рыдали, стоя на коленях перед сборищем кармаков и, по всей видимости, вымаливали у неприятеля прощение. Изредка оборачиваясь, они бросали на землян полные ненависти взгляды.

— Ага, перепрограммировали, — догадался Гельмут Айтц и зашипел на свою обвешанную оружием свиту. — Не смейте терять самообладания. Да, наш противник умен и силен, но это еще не повод отчаиваться. Вспомните, мы же с вами — мужественные завоеватели Вселенной, надежная опора и последняя надежда человечества!... В крайнем случае, если переговоры зайдут в тупик, отдадим им Землю. Главное — сохранить наш боевой флот. Ведь без наших славных звездолетов станет совсем невесело, скажу я вам. Оборвется цепь наших блестящих побед над примитивными мирами.

Космические пехотинцы притихли. Нерешительно переминались с ноги на ногу, не сводили с врагов смертоносных стволов. Инопланетяне, удивительное дело, пришли на переговоры без оружия. Кармаки оказались гуманоидами и вообще мало чем отличались от людей: те же руки, ноги, отсутствие хвоста. Разве что были немного ниже ростом и имели неестественный зеленоватый загар. Своей внешностью кармаки походили на культуристов, которым вдруг взбрендило в голову заняться карате. Их мускулистые, обнаженные до пояса тела лоснились от нанесенного масла и были густо покрыты татуировками в форме иероглифов и драконов. На босых ногах они носили широкие борцовские штаны, подвязанные разноцветными поя-

сами. На бритых кармацких головах вместо волос тоже красовались татуировки. Когда-то кем-то свернутые характерные «боксерские» носы и оттопыренные, словно у профессиональных борцов, переломанные уши придавали этим ребятам свирепый вид. Похоже, кармаки любили подражаться и знали в этом деле толк.

Нарушив тишину, один из инопланетян, обладающий самым разноцветным поясом и внушительной мускулатурой, отдал громкий и короткий, словно хлесткий удар, приказ. Затем в помещение забежало еще двое кармаков с поясами попроще. Пинками и проклятиями они выгнали на середину зала жалко блящее бараноподобное существо. Это рогатое, обросшее кучерявой шерстью создание, по всей видимости, являло собой конечный продукт эволюции данного животного вида. Перецокивая копытцами, бараноподобный коряво передвигался на двух задних лапах. При этом своими верхними конечностями он постоянно поправлял пенсне. Командор сделал вывод, что это уже не тот баран, который плянется на новые ворота, а гораздо умнее. Так и оказалось. Бараноподобного привели в качестве переводчика, и он говорил на обоих языках практически без акцента.

— Итак, земляне, начал выступивший вперед предводитель кармаков. — Вы не хотите отступить, не смотря на наше численное превосходство. Это нелогично, но делает честь вашему мужеству и храбрости. Я вижу, вы пришли с боевым знаменем. Значит, ваш боевой дух не сломлен. Это очень радует нас, кармаков, потому что достойные враги в наше время — большая редкость. Мы тоже хорошие воины, и для нас будет огромным удовольствием вступить с вами в битву.

— Может, все-таки разойдемся миром? — со слабой надеждой спросил Гельмут Айнтц. — Мы вернемся в Солнечную систему, а вы улетите к своим звездам. Зачем нужен этот конфликт? Вообще, с какой стати нам воевать?

— Война неизбежна, — развел руками мускулистый инопланетянин, всем своим видом изображая сожаление (да только верилось в это с трудом). — Наши народы слишком похожи. Нам нужны одни ресурсы, одна среда, одни и те же планеты. Отпускать вас, чтобы вы собрались с силами и начали вторжение в наши миры, совсем уж нет никакого резона. Так что сегодня мы вступим в битву и будем нещадно уничтожать друг друга.

Чувствуя, что дело — труба, командор все же сохранил невозмутимое выражение лица и как бы невзначай заметил:

— Раз на то пошло, придется мне, применить наше секретное сверхмощное оружие. Жаль, искренне жаль, ведь вы потеряете столько отважных воинов. Быть может, и всех до одного. Всю свою армию. Жаль, что нет иного выхода из ситуации.

— Вообще-то есть другой путь — командирский поединок, — вдруг сознался предводитель кармаков, и воины за его спиной сразу оживились, радостно закивали.

— Поединок? — переспросил командор.

— Да, я говорю о командирском поединке! — инопланетянин поднял сжатые кулаки. С каждым словом улыбка его становилась все шире. — Это одна из древнейших традиций межзвездных войн. Чтобы избежать многочисленных смертей среди воинов, исход всей битвы решается в одном единственном поединке. Военачальники сошедшихся армий встречаются на ринге. Там, один на один, в поединке, проходящем по правилам кармацкого боя, и определяется победитель. Армия, чей командир проиграл, считается разбитой и должна сложить оружие. Как доказали наши историки, именно мой народ первым во вселенной разработал и освоил систему кармацкого боя. Именно так, опираясь на базу отточенных приемов и комбинаций, наши мужчины издревле выясняли между собой отношения. Многие тысячелетия мы совершенствовали искусство кармацкого боя и превзошли в этом все народы вселенной. По данным разведки, на ваших планетах многие земляне увлекаются чем-то вроде кармацкого боя, проводят поединки. Только называется это у вас по-другому.

— Верно, у нас много боевых стилей, — поддержал беседу командор, в душе которого забрезжил слабый лучик надежды. Необходимо было выжать из появившегося шанса всевозможное. — Я сам занимался английским боксом и был чемпионом академии. От лица всего человечества я готов бросить вам вызов!

Кармаки дружно рассмеялись, а их предводитель выскочил вперед и воинственно заколотил кулаками по груди:

— Я принимаю вызов! Я принимаю бой! Однако, не обольщайтесь. У вас нет шансов на победу. Мое имя — Чурбан Четырнадцатый. Я последний из древнего рода Сюф-Сюф секты

Царгар. Я непревзойденный мастер и абсолютный чемпион обитаемого космоса по кармацкому бою. Вот этими самыми руками были выиграны десятки командирских поединков, завоеваны многие миры. Завоеваны без единого выстрела! Ты, человек, мне не соперник. И, тем не менее, я принимаю вызов, поскольку чту древние традиции! Завтра мы вступим в поединок и решим участь наших миров!

Командор, который в свое время делал действительно большие успехи в боксе, ничуть не испугался этой бравадистой саморекламы. Будучи на две головы выше и килограмм на тридцать тяжелее своего противника, Гельмут Айнтц не без оснований полагал, что задиристый коротышка не продержится против него и пары раундов. У командора даже поднялось настроение. В самом деле, было бы неплохо выиграть эту войну одним хлестким прямым ударом или точным апперкотом. В этом случае командор, несомненно, прослыл бы героем и навеки вписал бы свое имя в историю обеих цивилизаций.

— Хорошо, встретимся завтра. Посмотрим, кто кого, — спокойно кивнул Гельмут Айнтц. Он был уверен в победе и ничуть не испугался своего кичливого соперника.

Но тут предводитель инопланетян с диким криком выскочил на середину зала, чуть не сбив отшатнувшегося переводчика, и давай демонстрировать свою бойцовскую удаль. Кармак начал наносить по воздуху красивые удары руками и ногами, садился на шпагат, показывая великолепную растяжку, подпрыгивал до потолка, крутил сальто и прочую акробатику. Потом остальные инопланетяне начали ломать о его пресс и голову толстые деревянные шесты. Палки трещали, разлетались в щепки, а Чурбан Четырнадцатый и бровью не повел. Видать, подготовка у него действительно была неплохая, как минимум — цигун. Не успели земляне опомниться, а коренастые кармаки уже затащили в помещение другой несомненно важный спортивный инвентарь — огромные ледяные блоки. С криком «кийя!» вражеский командир принялся разламывать их пополам, да так споро, что едва успевали подносить.

— Силен, гад, — зашептались за спиной командора.

— Да уж, — скривил губы Гельмут Айнтц. Уверенность бывалого боксера таяла с каждым разбитым ледяным блоком. Но потом командор вспомнил, что у него есть замечательная штука — модификатор. Уверенность вернулась.

— Ладно, пошли, — сказал он своим. — Завтра бой, надо еще успеть подготовиться.

До командирского поединка оставались каких-то полтора часа, а Гельмут Айнтц спокойно спал в объятьях модификатора. Но не простым сном, а сном подлым, механо-электрическим.

Сквозь паутину проводков и контактов в мозг человека непрерывным потоком закачивалась информация. Вообще-то модификатор использовали редко, в особых случаях, когда в кратчайшие сроки требовалось подготовить из безмозглого пополнения боеспособных солдат. В одурманенные спиртом, девками и прочей дрянью молодые головы по ускоренной программе закачивались данные о воинских уставах, вооружении, и, конечно, основы рукопашного боя. Однако, без особой нужды модификатор не включался и пылился у командора в трюме. Дело в том, что сердобольное офицерье в учебке предпочитало муштровать молодняк проверенными дедовскими методами, с потом и кровью прививая салагам непростую воинскую науку и искреннюю любовь к родине. Обучение же на модификаторе было слишком простым, легким и даже немного приятным, поэтому нисколько не вязалось с трудностями и лишениями военной службы.

Но сейчас как раз произошел тот самый исключительный случай. Поэтому с модификатора стерли пыль и включили в работу. За восемь часов машина закачала в мозг командора уйму информации по боевым искусствам — практически все, что накопила земная цивилизация по данному вопросу.

Конечно, возможности человеческого разума не безграничны. Чтобы освободить место для записи, машинист модификатора аккуратно извлек из памяти командора все лишнее и в заархивированном виде сбросил на болванки. В результате под снос пошла вся информация о личной жизни, семье, друзьях, весь опят профессионального военного, все знания, науки и языки, освоенные за долгие годы в школе и академии. Теперь командор не смог бы и два плюс два сложить, но зато в полной мере овладел навыками иного рода. Наконец, модификатор прекратил перелопачивать мозги военачальника и затих.

— Я знаю кун-фу! — заявил командор, едва открыв глаза, затем добавил. — Ну и все остальное.

Из кресла модификатора слез уже не командор. То был совсем другой человек. Не тот, которого мы все знали и любили. Теперь это был грозный воин, смертоносная боевая машина. Гельмут Айнтц мог теперь безо всякого оружия справиться с двумя-тремя десятками противников, причем, проделать это красиво и разнообразно. Каким бы грозным соперником не оказался предводитель кармаков, командор сейчас был готов ко всему. Он научился боксировать намного лучше прежнего, освоил технику ударов ногами, локтями и даже головой, если понадобится. Мог бороться, делать сотни различных бросков, удушений, болевых приемов. В конце концов, командор научился профессионально царапаться. Карате, бокс, кун-фу, ушу, муай тай, сават, дзюдо, самбо, система Кадочникова, айкидо, вин чун, бразильская джиу-джитсу, капо-

эйра — вот далеко не полный список боевых стилей, которыми за каких-то два часа овладел Гельмут Айнтц.

— Ну, где он? — прорычал командор, сжав кулаки, и окинул присутствующих таким грозным взглядом, что все отшатнулись. — Где этот несчастный, этот смертник? Держите меня пятеро! Разорву любого, кто посмеет встать у меня на пути!

Делегация землян вновь продвигалась по извилистым коридорам инопланетного судна. Точнее бежала, не успевая за размашистыми пружинистыми шагами своего предводителя. Гельмут Айнтц не замечал ни окружающей его свиты, ни залитых сейчас светом удивительных помещений кармацкого звездолета. Он видел перед собой только одну цель — где-то там впереди его ждал ненавистный противник. Нетерпенье, жадное ожидание боя сжигало командора изнутри. Измененный, переписанный модификатором мозг хотел только одного — поединков, бесконечных поединков. Только это и имело значение. В самом деле, как он раньше мог жить без этого неопишуемого удовольствия боя. Наносить и отражать удары — вот в чем виделся теперь смысл жизни.

На плечах командора болтался цветастый боксерский халат, на руках были специальные перчатки, приспособленные как для ударов и для борьбы. В крови кипел адреналин, а также несколько хитрых медицинских препаратов, позволявших не чувствовать страха, боли и усталости. Благодаря специальным уколам, мышечная сила командора была увеличена в несколько раз. Человеческому военачальнику не терпелось испробовать новые возможности организма на своем противнике.

Наконец, делегация землян добежала до центрального зала, где и должен был состояться поединок. Командор остановился, пританцовывая на месте, огляделся. Свет в огромном сферическом отсеке пока был погашен. Темноту разрывали лишь лучи прожекторов, слепящие с потолка. Но даже сейчас посреди зала угадывались очертания огороженного канатами ринга, слегка тесноватого, но все же чем-то напоминающего боксерский. Все остальное пространство сейчас занимали зрительские трибуны, битком набитые галдящими кармаками. Похоже, здешняя публика обожала подобные зрелища, и командирские поединки не были для них в диковинку. По периметру ринга уже были расставлены кинокамеры съемочных групп кармацкого телевидения. Скорее всего, инопланетяне собирались провести прямую трансляцию боя на все свои планеты. Земляне также прихватили с собой оператора. Сейчас он поспешно устанавливал и настраивал свое оборудование.

Минута ожидания. Две. Три. Затем с потолка ударил еще один столб света, поймавший у противоположной стены мускулистую фигуру командира кармаков. Чурбан Четырнадцатый не спеша направился к рингу, успевая приветствовать публику. Даже раздал по пути несколько автографов. Затем ослепительный свет прожектора ударил в лицо командора, и человек понял, что пора. В отличном расположении духа и состоянии тела Гельмут Айнтц подбежал к рингу, предвкушая скорую победу, и привычным движением проскользнул через канаты.

Свет нестерпимо резал глаза, мешая рассмотреть противника. Не видно было ни публики, ни ринга, ни того, кто любезно заговорил на человеческом языке:

— Почтенная публика всех миров! Сегодня, на этой арене вы станете свидетелями очередного командирского поединка! Эти два непримиримых бойца будут соревноваться по строгим правилам кармацкого боя! Да будет так! Эти двое: кармак и человек решат сегодня судьбы наших миров! Итак! За великую Кармацкую Империю выступает чемпион Чурбан Четырнадцатый! Человеческую цивилизацию представляет командор земного флота Гельмут Айнтц!

Публика разразилась криками, аплодисментами и свистом. А командор услышал у себя под ухом слова рефери:

— Напоминаю, что нарушивший правила кармацкого боя будет тут же признан проигравшим. Напоминаю, что вы в любой момент можете сдаться и прекратить бой.

— Ну уж нет. Не дождетесь! — хищно ухмыльнулся командор и запихал в рот резиновую капу.

— Пускай же начнется бой, и победит сильнейший! — заорал голос с потолка.

После этих слов в помещении зажегся яркий свет. Гельмут Айнтц увидел огромный, заполненный сотнями зрителей зал, а также своего противника, который картинно раскланивался перед публикой.

— Ну, иди сюда! Я тебе рожу раскрашу! — промычал командор сквозь капу и принял боевую стойку. — Пойдите! Что это у вас за хрень посреди ринга? Убирайте, пока я все это в щепки не разнес!

Действительно, между приготовившимися к схватке воинами, прямо посреди ринга, совершенно нелепо стояли две табуретки и маленький столик.

Чурбан Четырнадцатый невозмутимо сел на табурет и жестом предложил землянину сделать тоже самое.

— Ты что издеваешься? — взбесился командор. — Ну-ка вставай, я тебе морду сейчас разобью!

— Пожалуйста, начинайте поединок, — услышал Гельмут Айнтц слова невидимого рефери. — Не затягивайте. Сейчас решается судьба вашей цивилизации. Напоминаю, нарушивший правила кармацкого боя будет признан проигравшим. Садитесь! Ваш противник уже начал, вам пора защищаться!

Действительно, Чурбан Четырнадцатый уже сделал первый ход. Командор увидел на столике квадратную деревянную доску, расчерченную на черные и белые поля. Клетки разных цветов чередовались, и всего их было шестьдесят четыре. Кроме того, на доске стояли черные и белые фигуры, вырезанные из камня, по шестнадцать с каждой стороны. Вообще-то, для проведения соревнования по кармацкому бою, ничего другого и не требовалось.

Все это — и доска и фигуры — что-то смутно напоминали командору. Но, похоже, все воспоминания об этих вещах из его памяти изъяли вместе с другой, казавшейся лишней, информацией.

[из цикла «Бойтесь, звезды! Человек идет!»]

Ревность

Бояркин кипел от ревности и других сжигающих его чувств к этой женщине. До боли и хруста сжимал кулаки и с каким-то упорством извращенца неотрывно наблюдал из-за угла, как она прогуливается по улице, держа за руку другого. Видел, как они улыбаются, слышал их веселые голоса и смех. Как? Как она могла? Обещать, целовать, в любви клясться. А теперь гулять под руку с другим?! И она целовала другого. Сама целовала. Бояркин сам видел, подглядывая из-за угла. Тем не менее, он был уверен, что она его, Бояркина, любит. Причем, намного сильнее, чем того, другого. Пусть в сердце этой женщины хватало места для двоих, наш герой не собирался с этим мириться. Она должна будет сделать выбор между ними. И в правильности этого выбора Бояркин не сомневался.

Позже, уже вечером, задернувшись от мира кухонными занавесками, он все ей выложил, что называется, припер к стенке.

— Вот так, я все знаю, — закончил он в темноте. — Все это время ты мне лгала. Говорила, что одна, что у тебя никого нет.

— Прости меня, — прошептала она срывающимся голосом. — Если б ты с самого начала знал об Андрее, ты бы не стал со мной встречаться.

— Андрей... — скрипнул зубами Бояркин. — Хорошо, у тебя есть твой замечательный Андрей. Зачем же ты мне голову морочишь?

— Андрей — это совсем другое. *Ты* — мой мужчина! Только *ты* мне нужен! Тебя я ждала всю жизнь. А Андрей.. он очень мне дорог. Ты должен понять.

— Даже и пытаться не стану. — отрезал Бояркин. — Тебя послушать, так нам нужно всем втроем зажить одной дружной семьей. Я этого не потерплю! Я готов простить тебе ложь, но постоянно делить тебя с кем-то не намерен. Брось его! Брось, если хочешь остаться со мной!

— Но...

— Тебе придется сделать выбор! Или я или он!

Она сделала выбор. Правильный выбор, как и ожидал Бояркин. На следующий день он даже отвез ее туда, и теперь, стоя за спиной, наблюдал, как они прощаются, как она расстается с другим навсегда. Все прошло, как и было задумано. Бояркин контролировал весь процесс, нетерпеливо растирая каблуком опавшую сухую листву.

Она, естественно, плакала. Какое же прощание без слез? Услышав от нее те самые слова, Андрей выпустил ее руку. Стоял молча, во взгляде его была боль и разочарование, а когда он встречался глазами с Бояркиным — вспыхивала лютая ненависть. Теперь женщина молчала. Все слова уже были сказаны. Они долго безмолвствовали, пытались ощутить в друг друге то, чего уже не осталось.

— Хватит, пошли, — Бояркин потянул ее за руку, уводя от этого места, от этого человека, который теперь стал ей чужим. В душе он ликовал, смакуя победу, ведь теперь эта женщина принадлежала только ему. Но внешне ему удалось сохранить участливое выражение лица.

— Успокойся, теперь у нас все будет хорошо, — пообещал Бояркин, усаживая ее в машину. — Ты приняла правильное решение.

— Конечно, любимый. Ты прав, — кивнула она, утирая слезы.

— Вот и хорошо, поехали, — ободряюще улыбнулся Бояркин, заводя мотор.

Они поехали. Но слезы все бежали и бежали. Обернувшись, она не сводила взгляда с удаляющейся одинокой фигуры, которая так и не подняла на прощание руку. Покачивая головой, Бояркин прибавил газу, и вскоре занесенный листвой детский приют скрылся за поворотом.

[из цикла «МД»]

Мой клон

— Вици, негодник, где мои таблетки! — позолоченная трость застучала по полу, выбивая из дубового паркета крашеную пыль.

— Сию минуту, падре! — на первом этаже особняка раздался топот торопливых ног и хлопанье шкафчиков.

Через минуту Вици — коренастый сицилийский крепыш в немодном твидовом костюме застыл перед боссом с лекарством на серебряном подносе. Лучано Картофано — последний дон Нижнего Бронкса просверлил телохранителя холодными глазами, молча взял горсть таблеток, отправил их в рот, запив минеральной водой.

Конечно, старый дон выпил бы чего-нибудь покрепче, да здоровье не позволяло. Если на чистоту, его здоровье теперь мало что позволяло. Печень и почки постоянно напоминали о себе желчной горечью во рту, аварийными забегами в туалет и безвкусной диетой, похожей на собачий корм. Сердце дона Картофано все норовило остановиться, проклятые суставы ныли и трещали при любом движении, а благодаря подслеповатым глазам весь мир представлялся ему сквозь мутно-серую пелену. Одним словом, старость — не радость. Хотя, быть может, виноват во всем был далеко не примерный образ жизни Лучано или же многочисленные побоища с ирландскими и китайскими коллегами по цеху, в которых дон Картофано принимал самое активное участие в дни своей молодости.

Когда-то он был бодрым и юным, обладал лошадиным здоровьем и хотел брать от жизни все. Но тогда будущий дон мог скопить денег разве что на новую битую. Сейчас же, когда средства появились и немалые, проклятый больной организм не позволял наслаждаться жизнью.

* * *

Но Лучано Картофано славился именно тем, что умел решать любые возникающие проблемы и выворачиваться из самых невероятно сложных ситуаций. Именно это чутье и рвение сделали его королем криминального мира.

Как-то задолжавший бедолага, прикованный к батарее, рассказал ему об одном малом, который мог достать любые человеческие органы и пришить их куда следует вместо старых, изношенных. Старый дон не поверил бы в такие сказки, да только тот паренек после двух часов общения с Вици и Аскольдом просто был не в состоянии говорить неправду.

Лучано Картофано тогда сразу схватился за этот слабый шанс на выздоровление. Даже отправил Вици и Аскольда разузнать, что к чему. Ребята вернулись поздно, усталые и помятые, но не с пустыми руками. Громила Аскольд притащил под мышкой брыкающегося очкарика с разбитым носом.

Оказалось, что в чужой части города, рядом с грузовыми доками, промышляла небольшая, не успевшая еще окрепнуть русская группировка. Сидели они на интересной теме: привезенный из России доктор Аккуратофф за бешеные деньги делал местным толстосумам пересадки органов. Причем, необходимые человеческие запчасти профессор непостижимым образом доставал в день обращения клиента. Дураку понятно, что дело здесь было нечисто. Доходы у той братвы были хорошие, и дела шли хорошо, пока заведение сие не посетили подручные дона Картофано. Вици и Аскольду пришлось изрядно попотеть и испортить внешность нескольким бравым парням, прежде чем чудо-доктор согласился поехать к старому дону.

Едва почувствовав на запястье наручники и неразрывную связь с батареей, профессор Аккуратофф начал говорить, очень быстро и подробно, время от времени утирая кровь из разбитого носа. Я бы даже сказал, он умолял итальянцев его выслушать. Надо признать, у Вици был настоящий талант в этом плане. Он мог разговорить любого собеседника. Русский доктор выложил им все. Это было больше похоже на исповедь.

Итак, еще там, в России, Аккуратофф нашел способ моментального клонирования людей и начал свои эксперименты. Не буду вдаваться в подробности, как это ему удалось. Поверьте, никто из нас ни черта не поймет в этой научной белиберде. Скажу лишь, что клоны получались очень похожими на оригиналы. За одним только исключением — все они выходили чрезвычайно здоровыми, лишенными всех болезней и физических недостатков, от которых страдали копируемые люди. В этом-то и заключался секрет коммерческого успеха клонирования человека.

Естественно, научный мир засомневался в гуманности подобных экспериментов, и работу Аккуратоффа запретили. Зато у преступного мира не было сомнений в доходности этой прогрессивной научной технологии. Криминальные боссы русской мафии по достоинству оценили новаторство и смелость идей Аккуратоффа и при помощи своих методов, надо сказать, не совсем приятных, принудили его работать на них.

Увлечение профессора было явно прибыльным и сулило большие барыши. Поэтому дон Картофано решил заняться этим бизнесом и первым делом поменять отслужившие органы себе любимому.

Узнав, что ему предстоит работать на итальянцев, доктор Аккуратофф плакал, слезно просил отпустить его назад, к русской братве:

— Пожалуйста, не заставляйте меня делать это! Меня предупреждали! Они говорили, если я стану работать на кого-то еще, они убьют мою семью! Умоляю вас! У них моя жена и дочь! Отпустите меня!

Причитания эти были прерваны кулаком Аскольда, который всегда бил без промаха. Из разбитого носа доктора хлынула новая порция крови. Дон Картофано тяжело вздохнул и разочарованно покачал головой. Он не любил, когда его решениям пытались воспротивиться.

— Послушай меня, слизьяк, — начал Лучано тяжелым хриплым голосом, который сразу же выдавал в нем крупного итальянского мафиози, — ты будешь работать на нас. В любом случае. Сколько бы тебе не осталось. Ты будешь делать пересадки органов, как и раньше, а первым ты прооперируешь меня. Я понимаю, тебе нужно подумать. Ты можешь размышлять, сколько хочешь. Но запомни, каждый день твоих раздумий мы будем отрезать от тебя небольшой кусочек, чтобы думалось быстрее. Усек ситуацию? Ну, так как? Тебе все еще необходимо время для размышлений?

Русский ученый поднял голову, посмотрел на босса гангстеров с плохо скрываемой ненавистью.

— Хорошо. У меня нет выбора. Я в деле. Буду работать на вас. Буду клонировать людей. Первым я прооперирую вас, дон Картофано, — процедил он сквозь зубы. В глазах Аккуратоффа тлели злые огоньки. Можно было предположить, что он замыслил какую-то месть.

Вообще-то так оно и было.

Все это случилось месяц назад. Со времени того разговора семья Картофано вложила серьезные деньги в дело доктора Аккуратоффа, и теперь на итальянской территории появилась своя лаборатория по клонированию людей. Оставалось лишь дождаться, пока русский профессор все там как следует подключит и протестирует.

* * *

Снизу вновь раздалось пронзительное дребезжание телефонного звонка. В какой уже раз? Пятый или шестой? Лучано Картофано казалось, что долбаный телефон звонит уже целую вечность. От этих громких звуков у старого донна раскалывалась голова. Голова, которая в прежние годы могла трещать разве что на утро после шумной пирушки.

— Вици, лентяй, подними, наконец, трубку! — не выдержал заслуженный мафиози. Проклятый организм тут же отреагировал на собственный гневный выкрик: дико заколотилось сердце, набирая обороты, все это отозвалось гулкими ударами крови в висках.

Наконец, внизу послышалось пластмассовое клацанье, и телефон смолк. Через минуту верный Вици уже докладывал: в лаборатории русского доктора были закончены все приготовления, можно было проводить первую операцию.

За матовой тонировкой серыми безликими тенями пронеслись громады многоэтажек. Громоздкий лимузин уныло катил по своей асфальтовой тропе. Дорогой автомобиль цепко держал разбитое дорожное полотно, лишь слегка покачивал задом на буграх и выбоинах. В машине этой следовал к своей цели уважаемый дон Картофано, неподвижно застывший в белом кожаном сидении, словно восковая статуя. В крови медленно таяла последняя порция лекарств. Дон Картофано надеялся, что это была действительно последняя порция. Сердце напоминало о себе ленивой стонущей болью. Как всегда, поднялось давление — старый мафиози плохо переносил переезды.

Наконец, лимузин остановился. Незаменимый Вици проворно открыл дверцу. Старый дон медленно выбрался из машины, морщась от боли в заскрипевших суставах. Яркий дневной свет ударил по больным глазам, успевшим привыкнуть к полумраку салона. Город, который несколько дней подряд прокисал под непрерывными ливнями, наконец-то накрыло летним солнечным сиянием. Во вчерашних лужах, словно размытые павлиньи перья, застыли разноцветные бензиновые кляксы. Дон Картофано растоптал эту жидкую красоту, решительно прошагав к только что построенной лаборатории. У входа стояли двое молодчиков отпугивающей внешности с дробовиками наперевес. Завидев босса, они засуетились, торопливо открыли перед доном Картофано железную дверь.

Лаборатория состояла из четырех просторных помещений, разделенных перегородками из графленого металла. Одно из них предназначалось непосредственно для клонирования людей. Посреди параллельно друг другу были установлены два пластиковых операционных стола. Вдоль стен стояли удивительные машины, словно сошедшие с экранов фантастических фильмов. Вокруг них топталась целая толпа ученых и врачей. Все в белых халатах. Командовал же всем этим цирком профессор Аккуратофф.

Заметив вошедшего мафиози, русский доктор подбежал, растолкав своих подручных, и заискивающе заулыбался:

— Все готово, падре. Можно начинать.

Старый дон смерил его скупым презрительным взглядом:

— Если сделаешь, все как надо, хорошо заработаешь, и тебя примут в семью. Но, если ты вздумал играть в свои игры, надумал что-то сделать со мной, пока я буду в отключке, предупреждаю, Вици будет наблюдать за тобой и, если что, сразу пустит пулю тебе в голову. Усек?

Аккуратофф нервно сглотнул застрявший в горле ком:

— Да вы что! У меня ничего такого и в мыслях не было. Я же не самоубийца. Кроме того, я давал клятву Гипократа. Итак, мы вас клонируем. Какие именно органы нужно заменить?

Лучано Картофано молча сунул профессору список, составленный при участии лечащего врача. Там среди прочего значились сердце, глаза, печень, почки, коленные и локтевые суставы.

— Есть только одна проблемы... — вспомнил вдруг Аккуратофф.

— Какая еще проблема? Я решаю любые проблемы! — повысил голос старый дон.

— Ну, это... — замялся русский профессор. — Существует морально-этический аспект. Я всегда говорю об этом своим клиентам. Люди не овцы. Вообще-то, исходя из принципов гуманности, нельзя допускать клонирования людей. Это просто бесчеловечно. Я рассказываю об этом для того, чтобы вы осознали, на какой шаг идете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.